



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

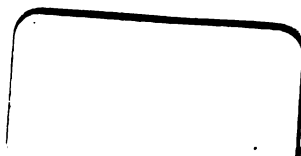
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

27232. 71. 10



HARVARD
COLLEGE
LIBRARY



РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

СОБРАННЫЯ

П. В. ШТЕЙНОМЪ.



ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ.

SHTEIN
= " RUSSKAIA NARODNYIA PESNI "



ИЗДАНИЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1877.

27222.71.10

✓



7242 ✓

ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ.

Про Илью Муромца.

1.

(Симбирской губ., Кореунск. уѣзда, села Усть-Урень).

Намъ не жалко пива пьянаго,
Намъ не жалко зелена вина,
Только жалко смиренной бесѣдушки.
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ они рѣчи хорошия
Про старое, про бывалое,
Про стараго казачка, Илью Муромца.
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
По чистому полю похалъ * погулявать.
Не пыль-то въ полѣ запылилася,
Не туманъ-то съ моря подымается,
И не бѣлы снѣжки въ чистомъ полѣ забѣлѣлися!
А забѣлѣлася у него буйная головушка,
Со частой со сѣдой мелкой бородушкой,
А затуманился подъ ѣмъ добрый конь,
А запылилася за ѣмъ сила добрая.
И подѣзжаетъ онъ къ тремъ дороженькамъ,
На дороженькѣ лежитъ бѣлъ горючъ камень,
На камушкѣ есть подписано,
Есть подписано и подпечатано:
«По которой мнѣ дороженькѣ идти, ѣхати:
«Во право мнѣ ѣхать—женатому быть,
«А во лѣво ѣхать—богатому быть,

* Похалъ.

«А прямо ѣхать—убитому быть.
 «Мнѣ женатство-то не ко младости,
 «А богатство мнѣ—не къ разуму.
 «Дай поѣду, я поѣду по этой по дороженькѣ,
 «По которой мнѣ убитому быть.»
 И повстрѣчались ему станишнички:
 «Ужь и ой еси вы, станишнички,
 «А по русскому васъ назвать разбойнички!»
 А станишнички сомигнулись,
 Сомигнулись и улыбулися.
 «Вамъ убить то меня не за что,
 «А взять то вамъ съ меня нечево:
 «Камзолецъ на мнѣ во пять сотъ рублей,
 «А копчаекъ на мнѣ во всю тысячу,
 «А коня то на базаръ я не вываживалъ,
 «Цѣнь-то ему не прикладывалъ.»
 А станишнички сомигнулись,
 Сомигнулись и улыбулися.
 Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
 Стагъ постряхивать,
 И свой тугой лукъ сталъ натягивать,
 И пушаетъ свою кленову стрѣлу,
 И пушаетъ во сыръ во матерый дубъ,
 И раципъ дубъ во ножевы череня.
 Станишнички испужалися,
 И всѣ врозь разбѣжалися,
 Въ третью суточки на то мѣсто собиралися:
 — Ужь и ой еси старой казакъ,
 — Старой казакъ, Илья Муромецъ,
 — Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
 — Возьми къ себѣ насъ во товарищи,
 — Во Донскіе во козаченьки! —

(Отъ плотника Егора, — лѣтъ за 50, человекъ бывалаго).

2.

(Той же губ. и того же уѣзда, выселокъ Александровка).

Не дорого намъ пива пьянаго,
 А дорога намъ бесѣда смиренная.

Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
 Говорятъ рѣчи хорошія:
 Въ селѣ было во Муромѣ,
 Во деревнѣ было Корочаровѣ,
 Жилъ былъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
 Сынъ Ивановичъ, богатырскій сынъ.
 Онъ просилъ у своего батюшки
 Великаго благословеньца:
 «По дикой степи мнѣ погуляти,
 «Добра коня понаѣздити.»
 Онъ и ѣхалъ путемъ, дороженькой,
 Онъ подѣхалъ къ тремъ дороженькамъ,
 И началъ себѣ думу думати,
 Думу думати, думу крѣпкую:
 «По которой мнѣ будетъ ѣхать дорожинькѣ:
 «Ежели по праву ѣхать—богатому быть,
 «А по лѣву ѣхать—женатому быть,
 «А по средней ѣхать—убитому быть.
 «Мнѣ женитьба не ко младости,
 «А богатство мнѣ не къ радости;
 «Дай поѣду я, гдѣ мнѣ убитому быть;
 «Убить-то меня не за что.»
 Подѣзжалъ-же ко Окѣ рѣкѣ,
 Черезъ Оку рѣку конь перескакивалъ,
 Рѣзвыхъ ногъ не обмакивалъ.
 Тутъ стояли-же воры и разбойнички,
 По русскому придорожнички.
 Натягаетъ онъ свой тугой лукъ,
 Пускалъ стрѣлу во сырой дубокъ,
 Ращипалъ дубокъ въ ножевыя череныщи,
 И тутъ воры-разбойники испугалися,
 По дикой степи растрѣялися,
 По камышнички размирялися.

(Отъ крестьянина Кузьмы Ослова, уроженца Нижегород. губ.).

(Той же губ. и того же уѣзда, села Усть-Урень).

Намъ не жалко пива пьянаго,
 Намъ не жалко зелена вина,
 Только жалко смиренную бесѣдушку.
 Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
 Говорятъ они рѣчи хорошія
 Про стараго казачка, Илью Муромца.
 Изъ-за горъ было, горъ высокіихъ,
 Изъ-за лѣсовъ, лѣсовъ темныхъ,
 Не бѣла заря занималася,
 Не красно солнце выкаталося:
 Выѣзжалъ тутъ добрый молодецъ,
 Добрый молодецъ, Илья Муромецъ
 На своемъ конѣ богатырскимъ;
 Побѣлѣла его головушка,
 Посѣдѣла его бородушка.
 Ѣдетъ онъ путемъ, прямой дорогою,
 Подъѣзжаетъ добрый молодецъ
 Ко тремъ ко дороженькамъ,
 Ко дороженькамъ ко широкимъ.
 На дороженькѣ бѣлъ горючъ лежалъ камень,
 На камнѣ печать положена:
 «По которую мнѣ доброму молодцу
 «Будетъ ѣхать по дороженьку:
 «Есть по средней дорожкѣ ѣхать—быть убитому;
 «По лѣвой сторонушкѣ ѣхать—быть богатому;
 «По правой мнѣ ѣхать сторонушкѣ—быть женатому:
 «Мнѣ жениться не ко младости,
 «А богатство мнѣ не къ разуму;
 «Поѣду, добрый молодецъ, по средней по дороженькѣ.»
 На той на дороженькѣ стоялъ сыръ матерый дубъ,
 Подъ дубомъ стоялъ станъ разбойничковъ,
 Ихъ не много, ихъ не мало—сорокъ одинъ человекъ.
 И завидѣли они издавна русскаго богатыря,
 Выходили къ нему по пяти и по десяти человекъ.
 Ихъ сердца на его коня богатырскаго разгорѣлися,
 Межь себя они разговаривали:
 — Что мы жили, такого коня не видывали:

— Ужь ты стой, постой, добрый молодець!
 — Ужь ты стой, постой, Русскій богатырь! —
 «Охъ вы братцы, товарищи! Съ меня вамъ взять нечего!
 «Я своего коня на базаръ не важивалъ,
 «Никто цѣной его не окладывалъ;
 «На мнѣ шубенка во пять сотъ рублей,
 «На мнѣ шапочка во три сотенки;
 «Рукавички на мнѣ въ одну сотенку.»
 Вынимаетъ добрый молодець,
 Вынимаетъ Илья Муромецъ
 Изъ колчана калену стрѣлу,
 Натягаетъ тугой лучокъ,
 Намѣчаетъ сыръ матерый дубъ:
 Онъ ращипъ его во мелки кусочки.
 Разбойнички всѣ перепугнулись,
 Они всѣ врозь отъ него разбѣжались,
 На третьи суточки къ нему собралися:
 — Ужь ты, добрый молодець, Русскій богатырь!
 — Ты поди къ намъ во товарищи;
 — Сколько хочешь бери золотой казны,
 — Платя цвѣтнаго, лошадей и табуны!
 Илья Муромецъ на нихъ разсмѣхнулся:
 «Охъ вы, братцы мои, непріатели!
 «Не охотникъ я у васъ овецъ пасти;
 «Покажите мнѣ дороженьку
 «По Черниговъ градъ проѣхати,
 «Черезъ горы Сарачинскія,
 «Черезъ лѣса, черезъ Брымскіе,
 «Гдѣ Соловей стоитъ, самъ разбойничекъ!»
 Поѣхалъ Илья Муромецъ,
 Поѣхалъ путемъ-дорогою;
 Соловей разбойничекъ его завидѣлъ же:
 Полетѣлъ и встрѣчаетъ его.
 Напустилъ на него громкій свистъ;
 Илья Муромецъ на него разгорчился,
 Вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу,
 И намѣчаетъ онъ Соловья разбойничка,
 И сшибъ его какъ овсянаго снопа;
 Заложилъ его Илья Муромецъ.
 Во торока свои крѣпкіе,

И поѣхалъ путемъ прямой дорогою,
Въ Кіевъ градъ Богу помолитися,
Кіевскому князю поклонитися.

У Кіевскаго князя было собраніе:
Всѣ князья съѣзжались, бояре къ ему.
Илья Муромецъ въ палаты восходилъ,
Поклонился князю Кіевскому.

«Ужь ты что и какой ты богатырь?»

— Богатырь я самъ Илья Муромецъ.—

Кіевскій Князь распрошати его сталъ:

«Ужь ты что есть за такой богатырь?»

«Гдѣ проѣхалъ, проѣзживалъ?»

— Черезъ горы ѣхалъ Сарачинскія,

— Черезъ дѣса ѣхалъ Брымскіе.—

— Тутъ ни кто конный не проѣзживалъ,

— Ни кто пѣшій не прохаживалъ?

— А я проѣхалъ, Илья Муромецъ,

— Соловья разбойничка во плѣнъ его взялъ?—

Кіевскій Князь сталъ говорить ему:

«Ужь ты Илья добрый молодецъ,

«Возьми его къ себѣ во палатушки,

«Прикажи ему, Илья Муромецъ, посвистати!»

Илья Муромецъ, добрый молодецъ,

Посадилъ его на лѣвую ручешку,

Приказалъ ему посвистати:

«Соловей разбойничекъ посвищи не во весь свистъ,

«Посвищи-ка Соловей разбойничекъ, въ полсвиста».

Соловей разбойникъ разгордился,

Засвисталъ онъ во весь свистъ—

Во всѣ бесѣдушки люди перепужались.

(Отъ ратника Н. Карповенкова).

4.

(Той же губ. а того же уѣзда, выселокъ Александровка).

Какъ по морю, морю Хвалынскому,

Плавалъ тутъ корабль ровно тринадцать лѣтъ,

На якорѣ корабль не останавливался,

И ко берегу корабль не приваливался.

На батюшкѣ, на Соколѣ, на черномъ кораблѣ,
 Было два торго и четыре кабака,
 Было два богатыря сильные, могучіе:
 Первый богатырь—Симеонъ молодой,
 А другой богатырь—Илья Муромецъ.
 На Ильюшенькѣ шубеночка худешенька:
 Лѣва пола въ пять сотъ рублей,
 Правая пола во всю тысячу,
 Всей то шубеночкѣ, цѣны ей нѣтъ.
 Ильюшенька по кораблю похаживаетъ,
 Тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ,
 Его пуговицы разбѣлѣлися,
 Его петельки разгорѣлися,
 На всякой на пуговкѣ по лютому звѣрю,
 По лютому звѣрю, по заморскому лъву.
 Думали-гадали станишнички,
 По русскому назвать-воры, разбойнички,
 Думали-гадали, какъ корабль, разбить
 Корабль разбить, Илью во полонъ взять.
 Его лютые звѣрья разревѣлися,
 Всѣ станишнички перепугалися,
 Во легкія во лодочки пометалися,
 По синему по морю разстрѣлялися,
 Въ третій день сходилися,
 И звали его во товарищи:
 — Ты будешь у насъ атаманушкой. —
 «У отца я былъ, у матери,
 «Не охочь я былъ стадо пасти:
 «По лѣсамъ то я не стаивалъ,
 «По дорогамъ-то не ѣживалъ.
 «Гдѣ мнѣ проѣхать черезъ лѣса Брымскіе,
 «Черезъ лѣса Брымскіе, черезъ горы Сарачинскія».
 — Тутъ дорога запада тридцать годовъ:
 — Соловей разбойникъ тутъ гнѣздо свилъ,
 — Гнѣздо свилъ на семи дубахъ. —
 Не доѣхалъ онъ за тридцать поприщевъ,
 Конь его спотыкаться сталъ:
 «Ну-ка ты конь, вороній кормъ!
 «Не видавши страсти, ужасти, спотыкаться сталъ!»
 Пріѣзжаетъ ко царю ко Владиміру,

Сидятъ богатыри во бесѣды;
 Входятъ въ палату, молится чужимъ образамъ,
 Поклоняется на всѣ стороны,
 Величаетъ царя Владиміра.

(Отъ 80-и-лѣтняго старика слѣпца.)

5.

Какъ во городѣ во Муромѣ,
 Въ селѣ было Карачаровѣ:
 Не сильная погода поднималася,
 Не зелена дубрава разшумѣлася,
 Не бумажные листочки разстилаются,
 Не сыренькой дубочекъ къ землѣ клонится, —
 Тутъ кланяется Ильюша отцу съ матерью,
 Онъ ни просить ни золота, ни серебра:
 «Не надо мнѣ одежды драгоценныя
 Не прошу у васъ закону, молодой жены, —
 Вы пожалуйте мнѣ велико благословеньице
 Мнѣ во Кіевъ ко заутрени,
 Мнѣ во Царь-градъ ко обѣденкѣ,
 Мнѣ послушать четья-пѣнья церковнаго,
 Да еще послушать звону колокольнаго.»
 — Охъ ты гой еси, чадо милое!
 — Молодешенекъ Ильюша похваляется,
 — Какъ во дальнюю дорогу собирается,
 — Эта дороженька не малая,
 — Скоры гонцы гоняють черезъ двѣнадцать дней,
 — Воловымъ шагомъ-два мѣсяца. —
 Поспѣваетъ Ильюша на своемъ добромъ конѣ,
 Не держали Ильюшу ни горы, ни доли,
 Не быстрыя рѣки, ни темные лѣса;
 Погоняетъ своего коня по крутымъ бедрамъ,
 Пробиваетъ у добра коня тѣло до бѣлыхъ костей,
 Поспѣшаетъ Ильюша къ обѣденкѣ.

(Зап. И. Ив. Акутинимъ въ Самарѣ.)

Про Добрыню Никитича.

(Енисейск. губ. Минусинск. округа, с. Верхне-Бужебарское).

Что не бѣлая берѣза къ землѣ клонится,
 Не кудрявая ко сырой да приклоняется;
 Ужь какъ кланяется сынъ да своей матушкѣ,
 Добрый молодецъ Никитушка Добрыничъ-сынъ
 Что честной вдовѣ Афирьѣ Александровнѣ:
 «Ужь ты гой еси, родима моя матушка,
 «Что честна вдова Афирья Александровна!
 «Ужь ты дай мнѣ ка свое благословеньце,
 «Мнѣ-ка ѣхати да во чисто поле,
 «Что искать себѣ названнаго братели,
 «Что стараго казака да Илью Муромца!»
 — Какъ возговоритъ ему да родна матушка:
 «Ужь ты гой еси, родимо мое дитятко!
 «На кого ты оставляешь свою матушку,
 «На кого ты покидаешь молоду жену?»
 — Какъ отвѣтъ держалъ добрый молодецъ:
 «Оставляю я васъ, матушка, на Бога.»
 Что даетъ ему мать свое благословенье:
 «Благословить ты Богъ, мое дитя родимое!
 «Что на добрыя дѣла и всѣ подвиги!
 «Ужь ты ѣзди-ко дитя во чистомъ полѣ, —
 «Чистехонько, хорошѣхонько!»
 Тутъ началъ сряжаться добрый молодецъ;
 Онъ въ сѣдельце черкасское коня сѣдлагъ,
 Во уздичу во тесменную зауздывалъ,
 Что брала нитку шолку шамаханскаго,
 Да тугой лукъ и калены стрѣлы.
 Осѣлавши онъ садился на добра коня,
 Самъ возговорилъ таковы рѣчи:
 «Ужь ты гой еси, родима матушка,
 «Что честна вдова Афирья Александровна!
 «Ты жди ко-ся меня! ровно три года;
 «Ты не дожدهшься меня ровно въ три года!
 «Ты бери мои золотыя ключи,
 «Отпирай-ка тогда золотыя сарцы,
 «Вынимай мою золоту казну,

«Подавай ее по попамъ, по монашенкамъ,
 «По честнымъ по родителямъ,
 «Поминайте меня добра молодца!
 — А ты гой еси, моя молода жена!
 «Хороша Настасья, дочь Никулишва!
 «Ужь ты жди меня ровно девять лѣтъ;
 «Если въ девять лѣтъ меня не дождешься,
 «Хоть замужъ пойдѣ, хоть вдовой сидѣ!»
 Ужь какъ видѣли добра молодца, какъ помиговалъ,
 А не видѣли, какъ съ двора съвзжалъ.
 Что не пылъ столбомъ поднимался,
 Одна откопоть оставалася,
 Какъ уѣхалъ Никитушко во чисто поле,
 Добрыничъ свѣтъ во раздолжице,
 Онъ годъ ѣздилъ по чистому полю,
 И не можеть махавъ Ильи Муромца,
 Съ той печали обокручивуши,
 Натягаетъ онъ, своей тугой луговъ,
 И спускаетъ свою малену стрѣлу,
 Улетала та сво стрѣлочка,
 Во село ко Маринѣ красной дѣвушкѣ,
 Къ красной дѣвушкѣ да во высокъ теремъ,
 Во окошечкѣ вьзакорячатое,
 Во стекольшко вь заморское,
 Увидалъ тутъ добрый молодецъ,
 Во чистомъ полѣ бабушку задворенку,
 «Ужь ты гой еси, бабушка задворенка!»
 «Ты сходи-ка, къ Маринѣ красной дѣвицѣ,
 «За моей ли то каленой стрѣлой!»
 Тутъ пошла бабушка задворушка спорѣшанько,
 Пришедши ко Маринѣ красной дѣвицѣ,
 Поклонилась ей низешенько,
 Говорила ей честнешенько,
 «Ужь ты гой еси, Мариня, красна дѣвица!»
 «Что послать тебѣ, добрый молодецъ?»
 «Добрый молодецъ Добрыня Никитичъ, смилъ,
 «Велѣлъ онъ тебѣ поклонителъ,
 «И просить у тебя его калену стрѣлу».
 — Какъ отвѣтила Мариня красна дѣвица,
 Той ли бабушкѣ задворенкѣ

«Кто эту стрѣлочку застрѣливалъ,
 «Пусть тотъ за стрѣлочкой самъ придетъ.»
 Съ тѣмъ отвѣтомъ бабушка задворенка
 Воротилась во чисто поле
 Ко удалу добру молодцу,
 Ко Никитѣ Добрыничу.
 А Маринка, красна дѣвица,
 Полетѣла вслѣдъ сорокою,
 Чтобы выслушать его рѣчи.
 Говорить ему тутъ бабушка задворенка:
 «Ужь ты гой еси, удалой добрый молодець!
 «Отвѣтила мнѣ Марина красна дѣвица;
 «Что кто ту стрѣлочку застрѣливалъ,
 «Тотъ пусть за стрѣлочкой самъ придетъ.»
 Какъ отвѣтилъ добрый молодець
 Той бабушкѣ задворенкѣ:
 «Я не иду къ ней, сукъ гончя,
 «Ко совѣ заморской, ко змѣвѣ семиглавы!»
 Что услышала таковы слова
 Та Марина, красна дѣвица,
 Отъ тѣхъ словъ она осердилась:
 Обернула за то Никитушку,
 Обернула туромъ золоты рога.

Черезъ дальнее перечайльце, (?)
 Шли калики перехожіи,
 Перехожіи, переброжіи
 До села его родной тетушки,
 Старой дѣвицы, Татьяны Александровны.
 Пришедши къ ней просятъ милостыню,
 Какъ спросить ихъ! Татьяна: —
 «Вы отколь идете калики перехожіи,
 «Изъ какой страны изъ дальнія?» —
 Отвѣчали ей калики перехожіи:
 «Мы идемъ теперъ изъ чиста поля.»
 — «Ужь вы что тамъ въ полѣ видѣли?»
 — Ужь мы видѣли въ томъ чистомъ полѣ
 «Три тура да три великіи,
 «Что единъ-отъ дурь да золоты рога.

—Говорила тутъ стара дѣвица
 Тѣмъ каликамъ переходимъ:
 «Вы послушайте меня, калики переходя,
 «Воротитесь вы въ обратный путь
 «Ко Маринѣ, красной дѣвицѣ,
 «Вы снесите ей мою грамотку
 «И скажите ей со угрозою,
 «Чтобы того она тура—золоты рога
 «Отвернула бы въ прежній видъ;
 «Буде она меня не послушаетъ,
 «То я сама подымуся къ ней,
 «Оберну ее сорокой бѣлохвостомъ
 «И пуцу летать весь вѣкъ безъ отдыху.»
 Тутъ калики послушались,
 Низешенько ей поклонилися,
 Поклонившись шли въ обратный путь
 Къ той Маринѣ, красной дѣвицѣ,
 Принесли ей строгу грамотку,
 Говорили таковы слова:
 «Ужь ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
 «Получи отъ насъ къ тебѣ грамотку,
 «Отъ родимой твоей тетушки,
 «Отъ Татьяны Александровны.»
 —Тутъ Марина испугалася,
 За ту грамоту робко принималася,
 И читала ту грамоту скорешенько.
 Прочитавши пошла во чисто поле
 И кричала тура-золоты рога.
 Прибѣжалъ къ ней туръ, какъ рысь добра.
 Тутъ стала она тура уговаривать:
 «Ужь ты гой еси, могучій, смѣлый богатырь,
 «Что удалый добрый молодецъ Никитушка!
 «Ты возми меня за себя замужъ.»
 —Какъ отвѣтъ держалъ добрый молодецъ:
 «Ужь ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
 «Еще есть у меня молода жена,
 «Хороша Настасья дочь Никулишна.»
 Тутъ Марина повинялася,
 Говорила ему таковы слова:
 «Ужь я думала, что ты холостъ есть.»

Во пути-то во дороженькѣ
 Девять лѣтъ Никитѣ миновалося.
 Его мать родна и молода жена,
 Дожидался, дожидался,
 Не могли его дождатися.
 А жена то его была умная,
 На ней стали сваты свататься.
 Тутъ позволила его мать родна,
 Позволила ей замужъ идти,
 За Алешеньку за Поповича.
 Повелись тутъ пиры, столы свадебны;
 И поѣхали они ко Божьей церкви,
 Ко святому храму вѣнчатися.
 Провожала ихъ его матушка,
 У высокаго терема съ дубова крыльца,
 Горючими слезами заливалася,
 Во слезахъ она рѣчь промолвила:
 «Что не знаетъ-то и не вѣдаетъ
 «Мое милое чадо, Никитушка,
 «Что идетъ замужъ его молода жена,
 «За Алешу за Поповича.»

На ту пору, на то время,
 Не ясенъ соколъ пролетывалъ,
 Не ясной-то онъ промархивалъ,
 Какъ пріѣхалъ Никита изъ чиста поля,
 А Добрыничъ свѣтъ изъ раздольца.
 Онъ скрычалъ, сзычалъ громкимъ голосомъ:
 «Еще здравствуетъ ли тутъ честна вдова,
 «Честна вдова, Афи́мья Александровна?
 «Шлетъ тебѣ челобитые любезный сынъ —
 «Что Никитушка Добрыничъ свѣтъ.»
 Какъ услышала она таковы слова,
 Говорила она добру молодцу:
 — «Ужь ты гой еси, прометней младъ ясенъ соколъ
 «И провѣстий добрый молодецъ!
 «Ужь ты гдѣ видалъ Никитушку?»
 Не отвѣтилъ онъ ни одно слово,
 Приворачивалъ коня въ дубову крыльцу,

Онъ вязалъ коня къ золоту кольцу,
 Самъ упалъ ей во рѣзвы ноги,
 Говорилъ ей таковы слова:
 «Ужь ты здравствуй, моя мать родна,
 «Что честна вдова Афимья Александровна!
 «Что здорова ли моя молода жена?»
 Родна матушка тутъ заплакала,
 Во слезахъ ему слово молвила:
 «Ужь ты гой еси, любезный сынъ!
 «Ты Никитушка, Добрыничъ свѣтъ!
 «Какъ поѣхалъ ты во чисто поле,
 «Говорилъ ты намъ таково слово:
 «Девять лѣтъ тебя дождатися;
 «Девять лѣтъ уже миновалоса.
 «Не могли мы тебя дождатися.
 «Твоя жена была умная, разумная,
 «На ней стали сваты свататься!
 «Я дала ей благословенье замужъ идти,
 «За Алешеньку да за Поповича,
 «И теперъ у нихъ почестенъ пирь.»
 Какъ пріѣхали они ко Божьей церкви,
 Тутъ возговоритъ Никитушка Добрыничъ свѣтъ:
 «Ужь ты гой еси, родимая моя матушка!
 «Что честна вдова Афимья Александровна,
 «Ты дай-ка мнѣ свое благословеньце
 «Мнѣ-ка ѣхати къ Алешѣ на почестенъ пирь
 «И надѣть мнѣ платье сноморохово,
 «Взять съ собой гудки сномороховы.»
 Какъ дала ему мать благословеньце,
 Тогда бралъ Никита золоты ключи,
 Отпиралъ свои ларцы кованные,
 Бралъ казны золотой сколько надобно
 И поѣхалъ Никита на почестенъ пирь.
 Пріѣхалъ онъ ко двору да ко Алешину,
 И давалъ слугамъ злата-серебра,
 Никита Никиту не задерживалъ.
 И входилъ онъ въ палаты бѣлокаменны,
 Гдѣ Алешинька сидѣла съ молодой женой,
 За широкими столами за дубовыми,
 Не дойдя Никита нишко кланялся

«Еще здравствуй ты первобрачный князь»

«Со своей со княгиней—другобрачною!»

«Ты изволь-ка князь, да слова молвить:

«Мнѣ възыграть въ гудки да скомороховы.»

— Какъ сказалъ ему Алеша Поповичъ свѣтъ:

«Ты играй, скоморохъ, околько надобно!»

Заигралъ онъ въ гудки да скомороховы.

Тутъ Натальюшка да догадалася:

Ужъ какъ быть тѣмъ гудкамъ да Никитушки.

Какъ возговорить Добрыня Никитичъ свѣтъ:

«Ты позволь-ка мнѣ, первобрачный князь,

«Со своею княгиней другобрачною,

«Мнѣ налить тебѣ чару зелена вина,

«А другую чару меду сладкаго.»

— Какъ сказалъ ему Алеша Поповичъ свѣтъ:

«Наливай, скоморохъ, сколько надобно,

«Подноси-ко кому тебѣ хочется.»

Наливалъ онъ чару зелена вина,

Подносилъ его князю первобрачному,

А другую чару меду сладкаго,

И спускалъ туда свой злаченъ перстень,

Подносилъ княгинѣ другобрачную,

Подалъ онъ чару, приговаривалъ:

«Выпивать до дна, увидеть добра,

«А не выпивать до дна, не видать добра!»

Она выпила чару всю до дна,

Увидала она злаченъ перстень,

Обручальный перстень со Никитомъ,

Надѣвала перстень на правую руку,

Выходила вонъ изъ-за дубова стола,

Со слезами въ ноги Никитѣ пала:

«Я твоя жена мужа перваго!»

Тогда стоя Алеша приваплакало,

Онъ всплеснулъ свои руки бѣлыя,

Во слезахъ Алеша слова вымолвилъ:

«Ужъ вы гой еси, бояре-князья,

«И всѣ мои гости любезныя!»

«Я теперъ Алеша посмѣиана стану»

«Ужъ какъ всякой женителю, оцаряшесотелъ!»

«Да не всякому женитьба удаваться!»

«Какъ мнѣ-то Алешинькѣ Поновичу,
 «Что не уснано-то, не улежано,
 «За бѣлы груди не подержано.

Туть всѣ гости съ пиру собиралися,
 Собиравшись домой разѣзжались,
 А Никитушка Добрыничъ свѣтъ,
 Уводилъ домой молодую жену,
 Что Настасью дочь Никулишну.—

(Вар. Кн. Н. А. Костровычъ. Сообщ. Л. Н. Майковичъ.)

2.

(Симб. губ. Корсунск. уѣзда, выселокъ Александровка).

Добрыня былъ Мидитинъ сынъ,
 Три года Добрыня хлѣбницалъ,
 Три года горшечницалъ,
 Три года приторговывалъ,
 Три года ариворовывалъ,
 Три года по Киеву гудалъ.
 Спрашивалъ Добрыня:
 «Гдѣ Маришкинъ дворъ?»
 Маришкинъ дворъ на семи столбахъ,
 У Маришкина двора два терема стоятъ,
 Два терема златоверховые,
 На домахъ два голубя сидятъ.
 Възвѣщаетъ Добрыня на широкий дворъ,
 Сымаетъ со плечъ тугой лукъ,
 Накладываетъ каменную стрѣлу,
 Убиваетъ сиза голубя,
 Того ли змѣя Притувальника,
 Маришкина друга милаго.
 Закидалася Маришка, заметалася,
 Въ цвѣтно платѣе нарижалася,
 Брада Добрыню за бѣлыя руки,
 Вела въ палаты каменные,
 Сажала за столѣмъ дубинѣ,
 За скатертю бранила, бранила жъ (молвила ей бл.)

Отпирала темны заходы,
 Наливала зелья лютаго
 Подносила Добрынюшкѣ:
 «Выкушай Добрыня, Микитинъ сынъ!»
 —Прежде хозяина и попъ не пьетъ.—

(Запис. мною отъ 80 лѣтн. старика слѣнца.)

3.

(Моск. губ. въ г. Коломнѣ)

Изъ славнаго изъ города изъ Царя было града—
 Выѣзжаетъ тутъ Добрыня сильный, славный богатырь,
 Онъ и хвалится, выхваляется славный городъ Кіевъ взять.
 «Я и Кіевъ славный городочекъ мимоходомъ его возьму,
 «А Илью Муромца, Ильюху, въ ногахъ его стопчу,
 «А Россійскаго князя Владиміра мечомъ голову срублю.»
 Илья Муромецъ, Ильюша, призадумавши стоитъ,
 Онъ повѣсилъ свою буйную головушку ниже могучихъ плечъ.
 Что не пылъ то въ полѣ пылить, не дубравушка шумить,
 Илья Муромецъ свою збрую шевелить.
 Онъ осѣдываетъ своего добраго коня,
 Онъ накладываетъ сѣдельцо новое черкасское,
 Онъ подтягиваетъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
 Онъ подтягиваетъ двѣнадцать пряжекъ серебряныхъ,
 Онъ не для красоты, а для крѣпости.
 И поѣхалъ Илья Муромецъ во чистое поле.
 Онъ встрѣчаетъ, Илья Муромецъ, Добрыню богатыря.
 Побѣдилъ Илья Муромецъ Добрыню богатыря,
 И предалъ его Добрынюшку злой смерти.

(Сообщ. А. Н. Островскимъ.)

Чурилушка Пленковичъ.

Чурилушко Пленковичъ, доброй мододецъ,
 Вставай по-утрушко ранешенько,
 Снаряжайся, Чурило, хорошехонько,
 Обувай сапожки на ножки—зеленъ сафьянъ,
 Зеленаго сафьяну турецкаго,
 Баскаго покрою нѣмецкаго,
 Щегольскаго шитья Новгородскаго—
 Подъ пята-пята воробей пролетаетъ.
 Наливаетъ онъ тагъ ключевой воды,
 Умываетъ Чурило лице бѣлое,
 Утираетъ Чурило въ тонко полотно,
 Надѣваетъ Чурило цвѣтно платье,
 На головушку шапочку въ пятьсотъ рублей,
 Чтобы спереду не видно лица бѣлаго,
 Сзади бы не видно кудерь желтыхъ.
 Ходить Чурилушко Пленковичъ
 Во стойло во конинное,
 Онъ беретъ себѣ коня да мелатарманка,
 Сѣдлаетъ сѣдельшко черкасское,
 Онъ подтягиваетъ 12 крѣпкихъ подпруговъ;
 Подпруги были шелковыя,
 Шелку были шемахинскаго,
 Не ради красы, а ради крѣпости
 Только видѣли Чурилушку,
 Сидючи на добра коня, —
 Не видѣли Чурилушку поѣдуци,
 Видѣли во чистомъ полѣ куревку.
 Увидѣла Катерина Микулична,
 Поскорешенько въ окошечко бросалася:
 «Слава Богу да слава Господу,
 «Что прѣхалъ Чурилушко Пленковичъ.»
 Она скоро тутъ шла по новымъ сѣнямъ,
 Отпирала тутъ двери дубовыя,
 Встрѣчала Чурилушку Пленковича,
 Брала его за бѣлы руки,
 Человала его да въ сахарны уста;
 Она провела во свѣтлую свѣтлицу,

Садилъ на стѹльица кленовыя,
 За эти за столы, за дубовыя;
 Нанесла ѣства сахарнии,
 Налила пѣтъ медьяныя,
 Подходящи ко столу да покламялася:
 «Что кушай-ко гостыюшко родимой.»
 Садилася она вмѣстѣ кушати съ нимъ.
 Схватилася Катерина Микулична
 За этого коня да вѣдь за добраго.
 Она скоро тутъ шла широкимъ дворомъ,
 Отворяла воротечка широкія;
 Она брала Чуриловина конюшка,
 Она вела на стойло на кониное,
 Она сыпала пшонушки сытнѣи.
 Приходила тутъ во свѣтлую свѣтлицу,
 Она брала дощечку да шашечку:
 «Станемъ-ко, Чурилушка,
 «Во шашки играть.»
 Они часъ-то—тъ играли.
 Тутъ и спроговорить Чурилушка:
 — Ай же ты, Катерина Микулична,
 — Лучше сядемъ на кроваточку забавимся. —
 Изъ заднихъ воротъ да изъ челядинныхъ
 Тутъ увидѣла дѣвченочка черная,
 Она черна злодѣйка челяденная,
 Испроговорить Катеринѣ Микуличнѣ:
 «Это што у ты, Катерина, за гость гостить,
 «Будто братъ родной?
 «Донесу Бермасу сыну Васильевичу.»
 Испроговорить Чурилушко Пленковичъ:
 — Ай же ты дѣвченочка черная,
 — Не доноси на Катерину Микуличну,
 — Вотъ тебѣ полтина на бѣлилушка,
 — И другую тебѣ дамъ да на румянушка,
 — Вотъ-те третья полтина на костычъ-сарафанъ,
 — Ай же, ты дѣвченочка черная,
 — Вотъ тѣ шапочка въ пятьсотъ рублей,
 — Пушиста, ушиста, зависиста,
 — Чтобы спереди невидно лица чернаго,
 — Чтобы сзади не видно пучка вшиваго. —

Тутъ испроговорить Катерина Микулична:
 «Лучше эти полтинушки мнѣ отдай,
 «А эту шапочку самъ сноси.»—
 Поворотъ держитъ дѣвчинушка черная,
 Она скоро-то шла по чисту полю,
 Поскорѣ того да во Божью черкву.
 Некрестя она идетъ да лича черного.
 Увидалъ да Бермасъ сынъ Васильевичъ
 Онъ вѣрную свою да ту служаночку,
 Подходяй жъ онъ къ ней поближешенько,
 И разговариваетъ ричь да умильнешенько:
 «Ай же моя вѣрная служаночка,
 «Со какимъ идешь со радостнымъ извѣстиемъ?»
 Испроговорить дѣвченокка черная:
 —Какъ у твоей Катерины Микуличны
 —Да гость гостить, будто братъ родной.—
 Тутъ ужъ онъ запирае книги да Божьи,
 Замыкаетъ церкви онъ священныя,
 Садится тутъ онъ да на добра коня,
 Побѣзжаетъ онъ да къ своему дому.
 Увидала тутъ Катерина Микулична,
 Что приѣхалъ Бермасъ да сынъ Васильевичъ:
 Куды власть Чурилушку Пленковича?
 И спроговорить Чурилушко Пленковичъ:
 «Ай же Катерина Микулична,
 «У васъ есть то въ домѣ да кованы ларцы,
 «Вы замкните меня во кованный ларецъ.»
 Какъ пошла она по новымъ сѣнямъ,
 Тутъ встрѣчала она да своего мужа.
 «Что же ты, Катерина Микулична,
 «Въ одной рубашкѣ безъ костычка, *
 «Въ однихъ чулочикахъ, безъ башмачковъ.
 Отвѣчатъ тутъ Катерина Микулична:
 —Послѣ васъ то вѣдь я да понеразмоглась.—
 Поворотъ тутъ держитъ Бермасъ да сынъ Васильевичъ
 Къ той дѣвченоккѣ черной:
 «Стала говорить, такъ договаривай,

* Сараяга.

«Стала доказывать, доказывай.»

Испроговорить дѣвчоночка черная:

— Ай же ты, любимой нашъ хозяйнушко,

— Сходите вы на стойку на конинуу,

— Тамъ увидаете конюшка Чурилина.—

Сходилъ то Бермасъ да сынъ Васильевичъ

На стойло на кониное,

Увидалъ тамъ конюшка Чурилина.

Туть приходить онъ ко своей Катеринѣ Микуличнѣ:

«Что же есть Чурилино конишечко?»

Отвѣтъ держитъ Катерина Микулична:

— Во чистомъ полѣ оны да развѣзжаются

— Со жонгъ оны братцемъ родимымъ,

— Оны другъ другу встрѣчу стрѣчались,

— Оны златыми крестами побраталися,

— И добрыма конями помѣнялися.—

И поворотъ держитъ Бермасъ да сынъ Васильевичъ

Онъ ко своей ко вѣрной служаночкѣ:

«Что знаешь, такъ теперь же ты доказывай.»

Испроговорить вѣрная служаночка:

— Ай же ты, любимый нашъ хозяинъ,

— Извини, прости ты насъ да во всей глупости,

— У васъ есть то въ домѣ кованы ларцы.

— Ты возми ко ларець да во бѣлы руки,

— Подъними-ко ларець да выше головы,

— Ты пусти ко ларець да на дубовый полъ—

— На три части ларець да поразлетится,

— Оттуль выскочитъ Чурилушко Пленковичъ.

Поскорешенько онъ туть поворачается

Во свои во свѣтлыя свѣтлицы:

Туть бралъ онъ свои да кованы ларцы;

Онъ кидаетъ ларець да о дубовый полъ—

Оттуль повискочилъ Чурилушко Пленковичъ.

Молодецкое сердечко разгорѣлося...

Онъ беретъ да свою саблю острую

Срубилъ туть у Чурилы буйну голову:

Онъ сдымаетъ саблю да выше головы,

Срубить хочеть у Катерины буйну голову.

Съ горячьми слезами она да помолитася,

Своему да мужу поворитася,

Чтобъ не срубилъ бы онъ да буйной головы.
Молодецкое сердечко уходилося.

(Обошкля Зап. К. В. Барсовъ, сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

Изъ времешъ татарщины.

1.

(Дск. губ. Островекаго уѣзда.)

Не вода въ города понахлынула—
Злы татарины понаѣхали.
Какъ меня молоду въ полонъ берутъ,
Во полонъ берутъ, полонить хотять.
Ахъ ты, батюшка, выкунай меня!
Ты давай за меня сто городовъ,
Сто городовъ, сто и пригородковъ.
—Не вода въ города понахлынула,—
Злы татарины понаѣхали.
Какъ меня молоду во полонъ берутъ,
Во полонъ берутъ, полонить хотять.
Ахъ ты, матушка, выкунай меня!
Ты давай за меня сто локоть полотна...

(Очевидно неоконченная. Сообщ. И. А. Семеискимъ.)

2.

(Вятск. губ.)

Не спала бѣ я, не дремала,
Ничего во снѣ не видала, 2.
Только видѣла одинъ шатрикъ, 2.
Что въ томъ шатрикѣ злая Татаринь, 2.
Передъ нимъ стоитъ русска дѣвка, 2.
Она плачетъ и возрыдаетъ, 2.

Злой Татаринъ унижаетъ:
 «Ты не плачь, не плачь русека дѣвка! 2.
 «Я куплю тебѣ синю шубу.»
 —Мнѣ синей шубы не ноенти, 2
 Зла Татарина не любити.»
 «Ты не плачь, не плачь русека дѣвка!
 «Я куплю тебѣ зарукавье.»
 —Мнѣ рукавицы поносити,
 Зла Татарина полюбити.

(Сообщ. Н. А. Александровича.)

3.

Я изъ Крыму, братцы, изъ Нагаю;
 И (гдѣ?) стояли орды бусурманскія.
 А ѣхали два братца родные;
 Подъ большимъ-то братомъ конь уставааетъ,
 А меньшей за большаго умираетъ.
 Ай гой еси, мой братецъ родимой,
 А я тебя братецъ посверстнѣе
 А пѣшій ту дороженьку поведу.
 Когда было добру молодцу время,
 Народъ-господа его почитали,
 А стало доброму молодцу безвременье,
 Никто де молодца не почитаетъ,
 А самъ себѣ молодець размышляетъ:
 Соколъ ли то на семъ свѣтѣ не птица?
 На его то безвременье бываетъ,
 Онъ пѣшь по чисту полю гуляетъ.
 Худая та птичка куличонка,
 И то надъ соколомъ насмѣялась,
 Напередъ-то его заметѣла.
 Вольная птичка пташечка перелеточка,
 Куда она захотѣла, туда и полетѣла,
 Гдѣ мѣсто влюбила, тутъ и сѣла,
 Сидялась вольная пташечка въ чистомъ полѣ
 При широкой при Московской при дороженькѣ
 Во бѣлую яруу во шпанницу;

Горемышную свою пѣсенку запѣла:
 Не ной, не ной ретивое сердечко,
 Не плачь, не плачь душа красная дѣвица, —
 Ни батюшка, ни матушка за мужъ выдала—
 Сама, увы, дѣвица похотѣла
 За вольнаго за низоваго бурлака; —
 Сказали: у бурлака денегъ много,
 У него одинъ хлысть да котомка вязовая,
 Котомка вязовая да бичевка пенъковая.

(Сообщ. Г. Н. Потанинымъ. Самарск. губ.)

ПРО ВАНЮШУ КЛЮШНИЧКА

и

Князя Волконскаго.

(Сарат. губ. Хвалыиск. у. с. Безобразовка.)

1.

Ахъ былъ я, братцы, во святой Русѣ,
 Во святой было Русѣ, въ каменной Москвѣ.
 Тамъ построены полаты новы каменные.
 Какъ во этихъ во полатахъ жилъ Волконскій князь,
 Не одинъ то-онъ жилъ княжечикъ—съ молодой своей княгиней.
 У этого у князя былъ душа Ванюша—вѣрный ключничекъ.
 И жилъ душа Ванюша со молодой со княгиней со его,
 Ни сколько ни мало, ровнехонько три года.
 На четвертымъ на годочку самъ князь довѣдался,
 Самъ князь довѣдался, Волконскій дослышался
 Отъ молоденькой дѣвченочки, отъ сѣнной,
 Отъ сѣнной, отъ самой послѣдней.
 Выходилъ князь Волконскій на крапѣнь, на новъ крылецъ,
 Закричалъ князь Волконскій громкимъ голосомъ своимъ:
 «Ужъ ты, душенька Ванюша, вѣрный ключничекъ ты мой!
 «Ты поди сюда Ванюша на крашенъ, на новъ крылецъ.»
 Какъ и взялъ его князь Волконскій за правую руку,

Какъ повелъ князь Волхонскій въ особую комнату его,
 Какъ и зачалъ князь Волхонскій крѣпко Ванюшу спрашивати:
 «Ты скажи душа Ванюша всеё правду мнѣ,
 «Всеё правду мнѣ, правду истинную, —
 «Ты съ какого со время съ моей княгиней началъ жить?»
 — Знать то я не знаю, князь Волхонскій, и не вѣдаю. —
 И ударилъ князь Волхонскій по бѣлу Вани лицу,
 И по бѣлому по личику, по щекѣ румяной,
 Изъ бѣла лица кровь-руда брызнула,
 Изъ очей его ясныхъ слезы покатались, словно градъ.
 Выбѣгалъ князь Волхонскій на крашёнъ бѣлъ крылецъ,
 Закричалъ князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:
 «Ужь вы слуги, мои слуги, слуги вѣрные мои,
 Ужь вы стройте-ко, ребята, крашенные рельеца,
 И вейте поскорѣ шелковыя петельки,
 И повѣсьте вы, ребята, вѣрнаго моего ключника,
 Вѣрнаго моего ключника, душу Ванюшку.
 —Подвели душу Ванюшку къ крашеннымъ ко рельецамъ.
 И сталъ душа Ванюша крѣпко умаливати:
 «Ужь вы, братцы мои, ребята, прежніе товарищи мои!
 Вы подайте мнѣ гитару, я сыграю на нее.
 Онъ сталъ играть, играть, да приговаривать
 И всю правду зачалъ рассказывать:
 То-то ребята сколько было попито, поѣдено,
 Съ молодой княгиней сколько погуляно,
 И цвѣтное платье сколько моношено.
 — И повѣсили Ванюшеньку за правое ребрышко.
 И онъ на рельецахъ качается, —
 Молода княгиня о немъ печалится.
 И на третій день княгиня сама скончалася,
 Подъ этими рельецами вострымъ ножикомъ зарѣзалася.
 Выбѣгалъ князь Волхонскій на крашенъ на новъ крылецъ, —
 Закричалъ князь Волхонскій: хлѣбъ соль не кушати!

(Видно не кончена)

(Записана мною 23 Июля 1872 г. отъ крест. Фед. Сем. Вдовина.)

2.

(Томской губерніи).

По Устрѣтенской большой улицѣ
 Строились полаты бѣлокаменны,
 Что во этихъ во полатахъ жилъ Волхонскій князь.
 У того ли было у князя собраньице не малое,
 Собиралися къ нему князя бояре все,
 Ужь какъ сильные могучіе богатыри.
 Еще кто изъ нихъ хвалится своей силою,
 Еще кто хвалится золотой казной.
 А какъ нашему князю нечѣмъ похвалитися,
 Похвалился нашъ Волхонскій молодой женой,
 Молодой своей женой, душой княгинею.
 Выходила тутъ, выступала млада ключница,
 Ключница на ключника съ докладомъ шла:
 — «Охъ ты, гой еси, нашъ батюшка Волхонскій князь!
 — Нвѣшь ты, вѣшь, забавляешься,
 — Ничего же ты не знаешь, не вѣдаешь,
 — Какъ живетъ твоя княгиня съ младымъ ключникомъ,
 — Не годъ она живетъ, не два живетъ,
 — «Какъ живетъ твоя княгиня ровно три года. —
 Выходитъ князь Волхонскій на широкій дворъ,
 Засвистѣлъ онъ, закричалъ своимъ зычнымъ голосомъ:
 «Охъ вы, гой еси, мои слуги вѣрные!
 — Вы подите, приведите ко мнѣ млада ключника.»
 Ужь какъ ключница съ докладомъ шла:
 «Охъ ты, гой еси, ключникъ! тебя князь требовалъ,
 Онъ министромъ тебя хочетъ жаловать,
 Не министромъ, думнымъ сенаторомъ.»
 Выходилъ нашъ ключникъ на широкій дворъ,
 — Засвистѣлъ, закричалъ своимъ зычнымъ голосомъ:
 «Охъ вы, гой еси, мои слуги вѣрные!
 Вы подите, приведите мнѣ добра коня,
 Добра коня виноходнаго,
 Засѣдлайте мнѣ его сѣдломъ черкасскимъ.»
 (внѣ) Бралъ себѣ ключничекъ плеть шелковую,
 Выходилъ нашъ ключникъ на широкій дворъ,
 Какъ садился ключникъ на добра коня,
 Его до брый конь стоитъ не тряхнется,
 ↓

Что у ключника кудри не ворохнутся.
 Отправлялся ключникъ на широкій дворъ:
 — «Вы прощайте мои слуги вѣрные,
 Слуги вѣрные мои неизмѣнные!»
 Прїѣзжалъ ли ключникъ на широкій дворъ,
 Никому-то коня взять не приказывалъ,
 Ни къ столбу то его не привязывалъ,
 Ни къ кольцу-то ни къ злаченому,
 Заходилъ-то ключникъ во полатушки:
 «Охъ ты, гой еси, батюшка Волхонскій князь,
 Ты на что меня къ себѣ требовалъ?»
 — Ты послушай-ка, младъ ключникъ, хочу тебя жаловать,
 Министромъ тебя, думчимъ сенаторомъ,
 Промежду двумя столбами дубовыми,
 Перекладиной тебя дубовою.
 Повели млада ключника на висѣлицу,
 Княгиня во палатахъ бѣсится,
 Ключникъ во петелькѣ качается,
 Во палатушкахъ княгиня кончается.

(Изъ ст. Г. Н. Потанина: «Югозападная часть Томской губ. въ этнограф. отношеніи» въ Этногр. сборникѣ изд. Имп. Геогр. Общ., выпускъ II, 1864 г. стр. 95-6.)

3.

(Пермск. губ. Камышлов. уѣзда.)

Какъ во далече-далече въ каменной Москвѣ,
 Въ той было улочкѣ Успенской,
 Тутъ живетъ-проживаетъ батюшка Волхонскій князь,—
 У него да проживаетъ молодой денщикъ,
 Молодой денщикъ да Ванька ключничекъ,
 Молодой его княгини полюбовничекъ.
 Онъ не годъ живетъ, Ванюшка не два года,
 Онъ живетъ у него да три годочка,
 На четвертый годочекъ князь довѣдался,
 Самъ на него прогнѣвался.
 Выходитъ князь на высокъ балконъ;

И кличетъ онъ громкимъ голосомъ:
 «Есть ли при мнѣ слуги, — слуги вѣрные мои?
 «Вы пойдите, приведите Ваньку клюшника.
 Ведуть-то, ведуть Ванюшеньку не пьянова,
 А ведуть его избитова.
 Его буйная головушка изломана,
 Каленкорова рубашка вся изорвана,
 Матерева жилетка кровью призабрызгана,
 Приводятъ Ванюшку ко князю кайтѣся.
 Началь его князь грозно спрашивать:
 «Ты давно ли, Ванюшка, съ княгиней знаешься!»
 Отвѣчаетъ князю Ванюша клюшничекъ.
 «Я, сударь, не знаю, не вѣдаю...
 — Я за то тебя, Ванюшка, подарить хочу,
 — Двумя селами со деревнями...
 «Я самъ знаю про то вѣдаю:
 Хочешь ты дарить двумя столбами съ перекладиной,
 Четвертой то шелковой петелькой
 За мою вину, да за проступочку,
 За веселую мою да гуляночку.
 Не веди ты на насъ гнѣвъ да свою пѣнюшку,
 Веди ты гнѣвъ да на свою жену,
 На свою сужругу благовѣрную.
 За охотниками она была охочая...
 Не домолвилъ Ванюша ключничекъ,
 И ужъ качается въ шелковой петелькѣ,
 Между двумя столбами съ перекладиной.

(Записана Членомъ сотрудникомъ Имп. Русск. Геогр. Общ. А. Я.
 Кокоревымъ.) (Собр. А. Н. Майковымъ.)

4.

(Москва.)

Ужъ на горкѣ возмѣ рѣчки
 Стоялъ новъ высокъ теремъ;
 Ужъ и въ этомъ теремочкѣ,
 Жилъ да былъ Волхонскій князь.*

* Во матушкѣ было въ каменной Москвѣ,

Какъ у эвтаго-ль у князя
 Были слуги вѣрные,
 А ужъ всѣхъ то ихъ вѣрнѣе
 Былъ Ванюшка ключничекъ,
 Молодой его княгини
 Вѣрный полубовничекъ.
 Ужъ и годъ любить Ванюша,
 Онъ другой любилъ.
 А на третій годъ про эвто
 Самъ ли князь довѣдался,
 Черезъ сѣнную ли дѣвчонку
 Самую паскудную.*
 Ужъ и вышелъ князь Волхонскій
 Онъ на своей красенъ крылецъ; **
 Ужъ и крикнулъ князь Волхонскій
 Своимъ зычнымъ голосомъ:
 «Ой вы, гой еси, мои холопья,
 Слуги мои вѣрные!
 Вы возьмите-ка, возьмите
 Заступы желѣзные,
 Вы копайте-ка, копайте
 Двѣ ямы глубокия,
 Вы поставьте тутъ, поставьте
 Два столба точеные,
 Вы кладите между ними
 Тонку перекладину,

.....
 Что еще того подалше—
 Во проселочкѣ во Дмитровскомъ —
 Тамъ живетъ-то, поживаетъ
 Батюшка Волхонскій князь.
 Не одинъ онъ поживаетъ—
 Съ молодой княгиней.
 * Онъ не годъ то съ ней годуетъ,
 Не другой годъ съ ней живетъ,
 Что на третьемъ на годочкѣ
 Скоро князь довѣдался
 Черезъ бестію каналью
 Да сѣнную дѣвку.
 ** На новое на крылечко.

Вы повѣсьте, вы повѣсьте
 Петельку шелковую;
 Вы подите, приведите
 Вора Ваньку ключника. >
 Ой ведутъ Ванюшу,
 Руки ноги скованы,
 Шелкова его рубашечка изодрана,
 Его буйная головка
 До мозгу проломлена,
 А сафьяны сапожки
 Кровью залиты. *
 Ой ведутъ, ведутъ Ванюшу!
 Самъ князь усмѣхается:
 <Ты скажи, скажи, Ванюшка,
 <Ты скажи мнѣ, варваръ мой!
 <Ты съ какой поры со времени
 <Со княгиней свѣдался?
 — <Ничего, сударь, не знаю,
 — Ничего не вѣдаю.
 — Ужь и гдѣ-же мнѣ холопу
 — Со княгиней знатися?.....
 Закричалъ тутъ князь Волхонскій
 Своимъ зычнымъ голосомъ:
 <Ой вы слуги мои, слуги мои вѣрные!
 — Вы повѣсьте-ка, повѣсьте
 — Вора Ваньку ключника!
 — <Нѣтъ постоитъ-ка, постоитъ,>
 Вы мои товарищи!
 Ужь вы дайте мнѣ потѣшить
 Нашего боярина.
 <Ужь и третій годъ я, сударь,

* Что ведутъ Ванюшу
 За бѣлыя руки;
 Какъ у Ванюшки
 Головка проломлена,
 Горжетурова рубашечка
 Вся изодрана;
 А сафьяные сапожки
 Кровью принаполнены.

Со княгиней знаюся:
 Что въ этомъ теремочкѣ
 Много было гуляно,
 На пуховой ли перинѣ
 Много было лежано,
 За бѣлыя ли за груди
 Много было хватано,
 Про твою ли, сударь, милость
 Часто было ругано!» —
 — «Ну повѣсьте же, повѣсьте
 Вора Ваньку ключника,
 Молодой моей княгинѣ
 Вѣрна полюбовничка!
 Ужь пускай же воръ Ванюшка
 Пускай покачается,
 Молода моя княгиня
 Пускай понечалится!» —

5.

(Воронежск. губ. Бобровск. уѣзда.)

Какъ поссорился Ванюшка
 Со сѣною дѣвушкой*,
 Что съ такою шельмою сѣною
 Съ самую послѣднюю,
 Начала эта дѣвочка
 Угрозы угроживать:
 «Ты добро, добро, ты Ванюшка,
 Добро шельма ключничекъ!»
 Что дойдутся эти рѣчи
 Рѣчи самому князю:
 «Охъ ты князь, князь нашъ Волкомскій,
 Все ты пьешь, гуляешь,
 Ничего ты въ свѣдѣть не знаешь,
 Не знаешь, не вѣдаешь,
 Что молода твоя княгиня

* Въ пѣснѣ каждое двустишіе повторено два раза.

Живеть съ Ванькою клюшничкомъ!»

Закричалъ же князь Волхонскій

Своимъ громкимъ голосомъ:

«Ой вы, слуги, мои слуги,

Слуги мои вѣрные!

Вы подите, приведите

Ко мнѣ Ваньку клюшничка,

Молодой моей вотъ княгинѣ

Вѣрна полюбовничка.»

—Ты поди-ка, Ванюша,

Поди, тебя баринъ зоветъ;

Какъ и хочеть тебя баринъ,

Хочеть тебя жаловать

Какъ своимъ ли, своимъ, Ванюша,

Своимъ воронымъ конемъ».

Что идетъ, идетъ ли Ванюша,

Идетъ широкимъ дворомъ;

Какъ на Ванюшкѣ-то рубашка

Съ кровью перемѣшана.

Закричалъ же князь Волхонскій

Своимъ громкимъ голосомъ:

«Охъ вы, слуги, мои слуги,

Вы подите-же, берите

Лопаты широкія,

Вы копайте, вы копайте

Вы ямы глубокия,

Становите вы столбочки,

Столбочки точеные,

Вы кладите перекладъ,

Перекладъ кленовый,

Вы цѣпляютъ, вы петельку

Петельку шелковую! *

и закончилъ онъ свои слова

* Вы берите-тка ребята

Лопаты желѣзныя;

Ужь вы ройте-ка, копайте

Двѣ ямы глубокия;

Становите-тка ребята

Два столба точеные,

и закончилъ онъ свои слова

Закричалъ-та Ваня кляшникъ
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Охъ ты, князь, нашъ князь, Волхонскій! *
 Прикажи мнѣ пѣсню спѣть: **
 «Что съ твоей молодой вотъ княгиней
 Попито, погуляно,
 Въ сахарныя вишь усточки
 Было поцѣловано!»
 Закричалъ тутъ князь Волхонскій
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Охъ, вы слуги, мои слуги,
 Слуги мои вѣрные!
 Вы возьмите же Ванюшку,
 Цапайте за голову!»
 Какъ и Ванюшка въ петелькѣ,
 Въ петелькѣ кочается,
 Молодая его вотъ княгиня
 Въ терему канчается,
 А какъ самъ то князь Волхонскій
 Стоитъ, улыбается.
 Выходила сѣнная дѣвка
 Самая послѣдняя:
 «Охъ, ты князь, князь нашъ Волхонскій,
 Загубилъ ты три души:
 Эхъ какъ двѣ души вотъ виновныя
 «Третья не виновная!» †

Перекладину дубовую;
 Вы вбивайте-тка, ребята,
 Два кольца золоченыя.

* Охъ ты, батюшка, Волхонскій князь!

** Во садикѣ во зелененькомъ
 Тамъ стояла лѣ, стояла
 Броватка тесовая,
 Какъ на этой лѣ кроваткѣ
 Перина пуховая,
 Какъ на этой лѣ перинѣ
 Ваня часто сживягъ...

† По народному объясненію, это значитъ, — княгиня была беременна.

6.

(Калужск. губ.)

Ужъ какъ жилъ-то, поживалъ
 Батюшка Волконскій князь.
 Какъ у этого у князя
 Былъ Ванюша ключничекъ,
 Молодой его княгини
 Вѣрный полюбвничекъ.
 Ужъ и годъ живетъ Ванюша,
 Ваня и другой живетъ,
 А на третій-то годочекъ
 Самъ-отъ князь довѣдался,
 Черезъ дѣвку, черезъ сѣнную,
 Черезъ самую послѣднюю.
 Выходилъ нашъ князь Волконскій
 На крыльцо высокое,
 Грворилъ нашъ князь Волконскій
 Своимъ слугамъ вѣрнымъ:
 «Ужъ вы слуги мои, слуги,
 Слуги мои вѣрные!
 Вы возьмите-тка, возьмите
 Лопаты желѣзныя,
 Вы копайте-ка, копайте
 Двѣ ямы глубокія,
 Вы поставьте-ка, поставьте
 Два столба высокіе;
 Положите-ка, положите,
 Перекладину кленовую,
 Вы возьмите, приведите
 Вора Ваню ключничка,
 Молодой моей княгини
 Вѣрна полюбвничка.
 Пускай Ванима головушка,
 Пускай покачается,
 Молодая то княгиня
 Пущай попечалится.»
 Ведутъ Ваню, ведутъ Ваню,
 Ваню вора, ключничка.

Какъ у Вани то головка
 До мозгу проломлена,
 А сафьяновы сапожки
 Кровью понаполнены,
 Миткалинова рубашка
 Вся на немъ изорвана.

(Записана А. Н. Афанасьевымъ.)

7.

Московск. губ., Коломна.

Любила княгиня своего лакея,
 Любила ровно четыре года.
 Увѣдалъ князь про княгиню,
 Что любить она своего лакея.
 —Есть ли у меня вѣрные слуги,
 Вѣрные слуги мои лакеи?
 Берите вы, слуги, тугіе луки,
 Стрѣляйте вы въ бѣлое тѣло,
 Въ бѣлое тѣло лакея,
 Бросайте вы тѣло въ быструю рѣку.—
 Увѣдала княгиня про своего лакея:
 —Есть ли у меня вѣрные слуги,
 Вѣрные слуги мои лакеи?
 Вяжите, вяжите шелковы неводы,
 Бросайте вы неводъ въ быструю рѣку,
 Ловите, ловите бѣлое тѣло,
 Бѣлое тѣло моего лакея.
 Кладите вы тѣло въ золоту гробницу,
 Несите вы тѣло во свѣтлицу!
 Вздуньте, вы вздуньте, буйные вѣтры,
 Выньте, вы выньте душу изъ князя,
 Душу изъ князя моего мужа,
 Вложите вы душу въ бѣлое тѣло,
 Въ бѣлое тѣло моего лакея,

Моего лакея, моего милаго.
 Кого я любила, того-бъ оживила!—
 Кого не любила, того-бъ погубила.

(Сообщ. А. Н. Островскимъ.)

• 8.

(Шковск. губ.)

Далече-подадалече было въ каменной Москвѣ,
 Во второй улицѣ во Дмитровкѣ
 Жилъ, проживалъ Волхонскій князь.
 У этого князя жилъ Ванюшка клюшничекъ,
 Молодой его княгинѣ вѣрный полюбовничекъ.
 Онъ не годъ живетъ Ванюша,
 Ванюшка и другой живетъ,
 Ну на третій на годочекъ самъ князь дождався
 Отъ такой ли отъ дѣвчонки,
 Дѣвчоночки отъ сѣнной,
 Отъ сѣнной отъ самой послѣдней.
 Закричалъ князь Волхонскій на своихъ на вѣрныхъ слугъ:
 —Слуги ли вы мои, слуги, служаночки вѣрныя,
 Подите-ка, возьмите лопаточки желѣзныя,
 И роите, копайте двѣ ямы глубокия;
 Вы ставьте, поставьте два столба точеные,
 Вы кладите перекладину новую, ясную!
 Вы бейте, вколотите два кольца желѣзныя,
 И вѣшайте, повѣшайте, двѣ петли шелковыя! —
 Закричалъ князь Волхонскій на своихъ на вѣрныхъ слугъ:
 —Охъ вы слуги мои, слуги вѣрные мои,
 Вы ведите, приведите вора Ваню клюшничка,
 Молодой моей княгини вѣрнаго полюбовничка.
 Ведутъ Ваню по большой по улицѣ,
 По славной, по Митровской.
 У Ванюши головка поизломана,
 Кашимировымъ платкомъ головушка связана,
 Коленкорова рубашечка кровью вся измочена.

Самъ стоитъ князь Волхонскій, надсмѣхается,
 Надъ его буйною головушкой надругается;
 А Ваня князю возмолется:
 —Позволь, князь Волхонскій, нову пѣсню спѣть:
 «Дальше-подальше въ каменной Москвѣ
 «Жилъ проживалъ Ванюшка ключничекъ,
 «У этого князя былъ зеленый садъ,
 «Въ этомъ садикъ горенка новая,
 «Въ этой горенкѣ кроватка тесовая,
 «На кроватушкѣ шеринушка пуховая.
 «Въ этомъ во садикѣ Ваней погуляно,
 «На этой на перинѣ много полежано,
 «Въ этой во горенкѣ съ молодой княгиней погуляно,
 «Съ молодой княгиней полежано,
 «Молоду княгиню за груди подержано,
 «По черному по соболу Ваней подрано.»
 Надъ Ванюшиной головушкой князь надругается:
 «Пусть Ванюшина головушка покачается,
 «Пусть молода княгиня въ терему кончается!»

(Сообщ. М. И. Семевскимъ.)

ПѢСНЯ О ВАНѢ КЛЮЧНИКѢ.

(Самара.)

Спѣла ягодка лѣсная,
 Пре-укрыта и спѣла;
 Свѣтъ-княгиня молодая
 Съ княземъ въ теремѣ жила....

* * *

Какъ у князя былъ Ванюша,
 Кудреватый молодой—
 Ваня ключникъ, злой разлучникъ,
 Мужа старого жены....

* * *

Я не даривалъ княгиню.....
 Ни парчей, ни кумачомъ,
 Она льнула ко дѣтинѣ,—
 Какъ сорочка ко плечу....

* *
 *

Цѣловала, миловала,
 Подносила чару мнѣ.....
 Потайкомъ меня клала
 Спать на князеву постель.

* *
 *

По извѣстнымъ наговорамъ
 Князь дознался про вину,
 Князь дознался, догадался,
 Посадилъ подъ ключъ жену....

* *
 *

Ужь вы слуги, вы холопы,
 Слуги вѣрные мои!....
 Вы подите, приведите,—
 Ваню ключника ко мнѣ

* *
 *

Вотъ ведутъ, ведутъ Ванюшу,
 Ванѣ вѣтеръ кудри вьетъ,
 А княгиня за Ванюшу
 Свою душу отдаетъ....

* *
 *

Ты скажи, скажи, Ванюша,
 Сколь съ княгиней долго жить?

.....

* *
 *

—О томъ вѣдаетъ подушка,
И пуховая постель,
И тканьево одѣяло,
Полотняна простыня.—

* *
*

—Ужь вы слуги, вы холопы,
Слуги вѣрные мои!
Ужь вы выройте двѣ ямы
И поставьте два столба.....

* *
*

Вы повѣсьте-ка Ванюшу
Во шелковую петлю.
Вотъ виситъ, виситъ Ванюша
Во шелковой во петлѣ.

* *
*

И Ванюшу все качаетъ,
Какъ былинку на межѣ,
А княгиня во свѣтлицѣ
Умираетъ на ножѣ.

(Новѣйшая, сочинен. Зап. Г. И. Акатицкаго.)

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

1.

Царь собирается въ походъ на Казань. Прощанье войска
съ родными.

(Сямбирск. губ. Корсун. уѣзда, с. Усть-Урень.)

«Ты куда, куда собираешься
«Православный царь изъ Москвы въ Казань?»
Не одинъ то православный царь собирается,—
Береть добраго молодца и меня съ собой,
А мнѣ, доброму молодцу, ѣхать не хотѣлось»

Хотѣлося въ Москвѣ пожить, при дворцѣ служить,
 При дворцѣ служить государевомъ.
 Ничего то мнѣ въ Москвѣ не пожалилось, *
 Да только жалко мнѣ зеленаго саду,
 Да жалко мнѣ (добру молодцу) въ саду три дерева:
 Первое деревцо—кипарисово,
 Другое деревцо—зелена груша,
 Третье деревцо—сладко яблонько.
 Кипарисово деревцо—родной батюшка,
 А зелена груша—родная матушка,
 Сладко яблонько—молода жена.
 Гдѣ батюшка плачетъ—тутъ рѣка течеть,
 Гдѣ матушка плачетъ—ключи быстры текутъ,
 Гдѣ жена плачетъ—туманъ съ дождемъ.

(Записано мною въ 1856 году отъ ратника Н. Картавенкова)

2.

Казань-городъ.

У колодеца было да у студенаго,
 У того ключа да подземельнаго,
 Красна дѣвица да воду черпала,
 Добрый молодець коня поилъ;
 Онъ коня поилъ да коня добраго,
 Онъ красну дѣвчину да обманывалъ,
 Обманывалъ, подговаривалъ:
 «Ты иди, дѣвица, за меня замужъ,
 «За меня замужъ во Казань городъ.
 «Наши Казань городъ на горѣ стоитъ,
 «Казань рѣченька да медомъ течеть,
 «Мелки ручейки да зеленымъ виномъ,
 «По горамъ да поввысокимъ
 «Лежатъ камешки да самоцвѣтныи,
 «По дугамъ да по зеленымъ

* Не жалею.

«Трава ростеть да вѣдь шелковая,
 «На травѣ цвѣтуть цвѣты лазуревы,
 «По лѣсамъ да лѣсамъ темнымъ
 «Дороги звѣри—куны заморскіе,
 «Еще съ по морю-морю синему
 «Изпо-синему морюшку турецкому —
 — Тутъ онъ хвастаетъ своимъ житьемъ-бытьемъ: —
 «Ужь у меня по морю-то ходить 30 кораблей,
 «Какъ единъ-то корабль изукрашенъ былъ,
 «Ещё корма да носъ излажены по турецкому,
 «Ещё парусы на корабляхъ камчатые,
 «Снурочки на корабляхъ шелковые,
 «Мѣсто глазъ-то было еще вставлено
 «По дорогому по камню по яхонту,
 «Мѣсто бровь-то было да проведено
 «По дорогой кунѣцъ по заморской».
 — Не подговаривай же, добрый молодець, не обманывай;
 — Я сама знаю, сама вѣдаю
 — Про славной вашъ про Казань-городъ:
 — Въ Казань-городъ я родилася,
 — Въ Казань-рѣченькѣ я крестилася,
 — Въ мелкихъ ручейкахъ бѣло мылася.
 — Казань-рѣченька водой течеть,
 — Мелки ручейки да горючьми слезми;
 — По горамъ вашимъ высокимъ
 — Не камышки да самоцвѣтныи;
 — Лежать головы да все буйныи;
 — На лугахъ трава не шелковая,
 — Растеть травонька да все болотная;
 — По лѣсамъ да вашимъ темнымъ
 — Звѣри да все съѣдучи,
 — Змии да все клеучи.
 — Изъ-по морюшку по турецкому
 — Ходять корабли все да шведскіи.
 — По пустымъ ты, добрый молодець, расхвастался,
 — Я замужъ пойти да тутъ не вздумала.

(Зап. Членомъ-согрудникомъ Имп. Русск. Геогр. общ. А. Я. Кокосовымъ, сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

Походы Грознаго и жалоба войска.

а)

(Тверск. губ. Весьегонск. уѣзда, сел. Смердыня).

Ты долина ль, моя долинушка,
 Раздолье мое широкое!
 На тебѣ ли моя долинушка
 Ничего не уродилося:
 Что ни травушки, ни муравушки,
 Ни лазорева цвѣточка.
 Уродился ли на этой долинушкѣ
 Одинъ только садичекъ зеленый.
 Мимо этого-ли садика
 Пролегала путь-дороженька.
 Что по этой ли по дороженькѣ
 Никто не ходилъ, не прохаживалъ,
 Только шли-прошли по этой дорожкѣ
 Одни горькіе солдатушки,
 Они шедши преуспали,
 На нихъ тонкія рубашечки
 Крѣпко къ тѣлу припотѣли.
 Ничего то ли въ этомъ садикѣ,
 Ничего то въ немъ не слышно, —
 Только слышно въ этомъ садикѣ,
 Какъ кукушка скуковала.
 Не кукуй сѣрая кукушечка,
 Не кукуй такъ жалобненько!
 Безъ тебя ли намъ, кукушечка,
 Безъ тебя намъ жить тошнехонько:
 Распрогнѣвался на насъ благовѣрный царь,
 Благовѣрный царь, свѣтъ Иванъ Васильевичъ,
 Какъ загналъ онъ насъ во чужіе край, *

* Разнословье:

(Тульск. губ.)

Загналъ насъ православный царь
 Безъ вѣсти далече, 2.
 Безъ вѣсти далече

Въ чужіе края дальные,
 Что къ синю морю Хвалынскому,
 Ужь какъ биться ли съ басурманами,
 Съ басурманами, злыми татарами.

(Зап. семинарист. Тверской семинаріи).

б)

(Сарат. губ. Сердобск. у. с. Паша.)

Ты долина моя, долинушка,
 Охъ да широкое мое раздолье!
 Ничего, ничего-то ты, моя долинушка,
 Ничего ты намъ не уродила:
 Да ни травыньки, ни муравыньки,
 Ни лазорева-то цвѣточка;
 Уродила же ты моя долинушка,
 Уродила же ты намъ кустъ калинки,
 Какъ на томъ, на томъ кусточкѣ
 Сидѣла горькая кукушка.
 Вотъ кукушка, она горькая, горемычная,
 Жалобнехонько она кукуеть.
 Не кукуй-ка, не кукуй-на, горькая кукушка,
 Въ моемъ зеленомъ садочкѣ!
 Охъ да не давай-ка, не давай-ка,
 Намъ солдатушкамъ, не давай тоску на душу!
 Ужь и такъ-то намъ, солдатушкамъ,

На крайнюю границу.

Познобилъ насъ православный царь

Холодною зимою,

Поморилъ насъ православный царь

Голодною смертію.

Нѣтъ ни вѣсти, ни грамотки

Съ родимой сторонки,

Нѣтъ ни батюшки, нѣтъ ни матушки,—

Осталась одна молода жена,

Осталась одна молода жена,

И та замужъ вышла за бурлака.

(Зап. мною въ 1864 г.)

И такъ-то намъ въ службѣ тошно:
 Загналь-то насъ, загналь православный царь,
 Загналь-то насъ въ ины земли,
 Ахъ да во иныя-то во землюшки,
 На самую-то на границу,
 Охъ, да поморилъ то насъ,
 Поморилъ нашъ православный царь,
 Поморилъ-то насъ голодной смертью.
 Да не чуть-то ничего
 Съ любимой сторонушки
 Ничего только не слышно;
 Только слышно про мою хозяйшку,
 Слышно, будто она замужъ вышла
 За такого-то, бають, за бурлаченку,
 За бурлака молодого.
 Сказали про того бурлаченка,
 Что бурлакъ богатъ больно,
 Объявилъ-то, объявилъ этотъ бурлаченка
 Всего только три полушки:
 Какъ и первую-то полушечку
 Попу за вѣнчанье,
 А другую-то полушечку
 Дьячкамъ за чтанье,
 Какъ и третью-то полушечка
 Женѣ на разживу:
 Живи-ка, моя хозяйшка,
 — Живи-ка ты, разживайся,
 Ни объ чемъ ты не печалься,
 Поживемъ подольше
 Наживемъ побольше.

(Зап. А. А. Мясоѣдовою.)

Неожиданная помощь Царю подѣ Казанью.

(Симбирск. губ. Корсуя. у. с. Усть-Урень.)

Какъ далеченько, далеченько во чистомъ полечкѣ,
 А еще того подалече на синемъ моречкѣ,
 Какъ на славнымъ на Черностовскимъ было островѣ:
 Какъ не бѣлыя лебедочки солеталися,

Какъ не ясные соколочки сопорхалися,
 Сходилися музурушки персидскіе
 И низовые бурлаченки безпашпортныя.*
 Они думали-гадали думу крѣпкую заединую,
 Выбирали себѣ атаманушку походнаго.
 — «Ужь кому-то у насъ, ребята, атаманомъ быть,
 — Ужь кому-то, разудалые, есауломъ слыть?» —
 — «Атаманомъ быть у насъ—Степану Тимоѣевичу,
 — А есауломъ слыть—Микитѣ Романовичу.»
 Атаманушка самъ по округу похаживаетъ,
 Онъ серебряной своей тросточкой помахиваетъ.
 Атаманушка рѣчь возговорить—какъ въ трубу струбить,
 Есаулъ рѣчь промолвить—какъ въ свирѣль заиграетъ:
 — «Ужь какъ-то намъ будетъ, братцы, пройти во славу Астрахань?***
 «Мы пройдемъ, братцы, въ славу Астрахань во глухую полночь,
 — Ужь и купимъ, братцы, атаманушкѣ забавушку—коня добраго,
 — А есаулу купимъ забавушку—ружье огненное.

(Зап. мною отъ крестьянина Цыплова въ 1856 г.).

Разнословья:

* Сходилися музурушки персидскіе,
 Бурлаченки низовые безпашпортныя,
 И собирались они во единый кругъ,
 Они думали-гадали думу крѣпкую, заединую:
 Ужь кому-то изъ насъ, доброму молодцу, атаманомъ быть,
 И кому-то изъ насъ, доброму молодцу, есауломъ слыть?
 --Атаманомъ быть Матвѣюшкѣ Тимоѣевичу,
 — Есауломъ слыть Никитушкѣ Романовичу.»

** Ужь какъ-то намъ, ребяташки, протить въ славный Астрахань?
 Ужь какъ-то намъ будетъ, ребяташки, по базару гулять?
 Ужь чего-то намъ будетъ, братцы, на базарѣ закупать?
 — Ужь мы да купимъ нашему атаманушкѣ коня добраго,
 — Еще купимъ мы ему саблю вострую,
 — Есаулу мы закупимъ ружье огненно,
 — И поѣдемъ гулять по возморьцу.»

(Зап. мною отъ фанника Н. Картавенкова.)

По слѣдующему ниже разнословію эта пѣсня дальше довольно подробно распространяется о взятіи Грознымъ Казани помощю С. Разина, о пиряхъ Царя въ Москвѣ по возвращеніи съ похода, о казни и спасеніи сына его и пр., но, къ величайшему моему сожалѣнію, я не могъ записать это замѣчательное продолженіе вполнѣ, какъ слѣдуетъ, пѣсеннымъ ладомъ: старикъ мой говорилъ чрезвычайно быстро и складно, и когда я его прерывалъ, онъ тотчасъ терялъ тонъ и мѣру, сбивался совершенно съ толку и совсѣмъ иначе продолжалъ. При вторичномъ же пересказѣ онъ еще пуще сбивался, съ трудомъ даже вспоминалъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ имъ сказанное, словомъ, у него во многихъ мѣстахъ не выходило ничего путнаго, и я долженъ былъ удовольствоваться нѣкоторыми только отломками изъ прежняго прекраснаго цѣлаго. Вотъ они:

Послѣ стиха:

«Атаманушка самъ по округу похаживаетъ»

у моего старика слѣдуетъ:

На немъ бархатный кафтанчикъ на распашечку,
Бобровая его шапочка подъ пазухой,
Сафьянные сапожечки на босу ногу.

Послѣ стиха:

«А есаулу купимъ забавушку-ружье огненное»

у него слѣдуетъ:

И возговорить атаманъ, Степанъ Тимофеевичъ:
«Подъ Казань-городокъ стоитъ бѣлый царь,
«Ни много, ни мало стоитъ, семь годовъ,
«Не взявши Казань-городокъ, хочеть протти,—
«Пойдемъ-ка, удалые, на подмогу къ нимъ:
«Волжскій-городокъ съ вечера возьмемъ,
«Царицынъ-городокъ во глуху полночь,
«Мелкимъ городочкамъ не поклонимся,
«Казань-то городокъ на бѣдой зарѣ,
«Во самую во Микольскую во заутреню

.....
.....
«Какъ намъ, братцы, пристать, къ пристани?»

«Еже ли бокомъ пристать, стануть палить изъ пушекъ,
 «Еже ли кормой пристать, ловить стануть,
 «Еже ли пристать носомъ, примуть подь руки:
 — «На подмогу ѣдутъ къ намъ!»
 Вотъ царь Иванъ Васильевичъ шлетъ посланника:
 «Еже ли бокомъ пристали,—палить изъ пушекъ,
 «Еже ли кормой пристали,—ловить ихъ,
 «Еже ли жъ носомъ пристали,—принять ихъ подь руки».
 И призываетъ онъ атамана: скажись ты мнѣ: кто?
 — Слыхалъ ты, Степанъ Разинъ Тимоѣевъ съ молодцами. —
 — «Много ли у тебя посланниковъ?»
 — Триста человекъ. —
 — «Во всѣхъ винахъ я тебя прощаю,
 Только скажи, какъ Казань городъ взять?»

.....
 Подвели подкопъ подь Казанку, подь рѣку,
 Подь Казанку подь рѣку, подь порхову казну,
 Затепаили свѣчи на бочкахъ и вышли сами подлѣ стѣны,
 Въ рукахъ тоже свѣчи держуть.
 Осердился царь Иванъ Васильевичъ:
 Свѣчи всѣ дошли, а бочки не рветъ.
 И хочеть его царь казнить.
 — «Царь Иванъ Васильевичъ!
 На верху свѣчка теплится—ее вѣтромъ качаетъ».
 Только переговорили, и зачало бочку рвать,
 И полетѣли стѣны: гдѣ нога, гдѣ рука, гдѣ татарска голова...

.....
 Пріѣзжаетъ царь Иванъ Васильевичъ въ Москву,
 Сдѣлалъ пиръ, съѣхались господа къ ему:
 Гдѣ хвалятея конями, гдѣ хвалятея женами хорошими,
 Кто хвалитея крестьянами богатыми....

(Зап. мною въ 1856 г. отъ 80-лѣтняго слѣпаго старика, имя котораго, къ сожалѣнію, не помню).

Взятіе Казани.

(Самарск. губ.)

а)

Охъ вы старые старики, пожилые мужики!
 И кто бъ намъ сказалъ про Казань-городъ,
 Про того царя про Ивана Васильевича?
 Еще Грозный царь Иванъ Васильевичъ Казань-городъ бралъ,
 Подъ Казаночку подъ рѣку подкопъ подводилъ, *
 Онъ закатывалъ бочечки съ порохомъ,
 Затеплялъ свѣчи воску ярова,
 Какъ молоденька татарочка по стѣночкѣ похаживала,
 По бѣлымъ бедрамъ рукой похлопывала
 И надъ Бѣлымъ царемъ надсмѣхалася:
 «Гдѣ тебѣ Бѣлый царь Казань городъ взять!»
 На это царь Иванъ Васильевичъ осердился,
 Онъ приказываетъ своихъ пушкарей казнить, вѣшати,
 Стрижку, ярыжку и сына Федорыча.
 Выбирался изъ нихъ молодой пушкарь:
 «Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ,
 «Не приказывай казнить, вѣшати;
 «На вѣтру свѣча вѣдь скоро горить, теплится,
 «А подземельна свѣча тихо горить, не скоро теплится». —
 Не успѣлъ добрый молодець рѣчь окончити—
 Взорвало стѣны каменные,

* Разночтеніе:

Подъ Казанку подкопъ подкопалъ,
 Подъ другую сторону подъ Буланъ рѣку.
 Они бочки съ порохомъ закатывали,
 Зажигали свѣчи воску ярова.
 Какъ татарочка по крѣности похаживала,
 Грозному царю рѣчь сердитую говаривала:
 — Не видать тебѣ, грозный царь, золотыхъ маковой... —
 Не успѣла татарочка рѣчь окончити, —
 Догорѣли свѣчи воску ярова,
 Разорвали бочки съ порохомъ,
 Начало рвать и метать во всѣ стороны,
 Бросать гдѣ нога, гдѣ рука,
 Гдѣ татарская башка.

Стало по стѣнушкамъ кидать-метать:
Гдѣ голова татарска, гдѣ туловнице.

(Зап. Н. И. Акутинымъ лѣтомъ 1875 г. на Сергѣевскихъ минеральныхъ водахъ).

б).

(Костромск. губерніи.)

Вы послушайте, ребята, что мы станемъ говорить,
А мы старья старушки станемъ сказывать
Про грозна царя Ивана про Васильевича.
Какъ царь-государь подъ Казань подступалъ,
Онъ подъ рѣчку подъ Казанку подкопъ подкопалъ,
Что подкопъ подкопалъ, сорокъ бочекъ закопалъ,
Что съ тѣмъ ли ярымъ зельемъ, чернымъ порохомъ,
А на бочки становили воску ярова свѣчи.
Злы Татарове по городу похаживаютъ,
Похваляются да выхваляются:
— Что не быть (дескать) Казанюшка подъ Бѣлымъ подъ царемъ. —
А нашъ царь-государь распалается,
Распалается, прогнѣвается,
А на завтра пушкарей онъ велитъ всѣхъ казнить,
Всѣхъ пушкариковъ, замигальщиковъ.
Какъ одинъ пушкарь поемѣлѣй всѣхъ былъ:
— «А за первое, царь, слово мнѣ вѣтъ казни!»
А въ тиши-то свѣчи онѣ тише горятъ,
На вѣтру-то свѣчи онѣ шибче горятъ.»
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить, —
Какъ и взорвало стѣну бѣлекаменную,
Положало всѣ башенки уворчатля.
Вдругъ нашъ царь-государь оченъ веселъ сталъ,
А на утро пушкарей велитъ жаловати:
И всѣмъ пушкарямъ по пятидесять рублей,
Еще той ли славной улицей Стрѣтенскою.

(Зап. г-жею А. Кобяковой, которая слышала ее изъ—
устъ народа въ дѣтствѣ).

Женитьба Грозного царя Ивана Васильевича.

а)

(Самбирск. губ. Корсун. уезда, выселокъ Александровка.)

Что сидите, богатырики?

И чѣмъ же вы похваливаетесь,

Ваша силушка буде отъ Бога,

А имѣніе отъ меня царя.

Задумалъ нашъ Грозный царь жениться:

Онъ бралъ не у насъ, а въ Москвѣ,

И не у князя и не у барина,

Онъ бралъ у Черкашенина,

А имамъ назвать ее—Марья Демругевна.

Онъ бралъ за ней много приданого:

Триста татарининовъ, полтораста боярининовъ,

Семьсотъ Донскихъ казаковъ.

И дѣлалъ онъ про нихъ почестный пиръ:

Сажалъ онъ ихъ за столы за дубовые,

За скатерти за клѣтчатыя,

За чашечки, за ложечки корельчатыя.

Кострюкъ хлѣба-соли не кушаетъ,

А Местрюкъ бѣла дѣбодя не рушаетъ,

А на нашего царя лихо думаетъ:

«Пойду въ Москву, стану на бѣломъ камушкѣ,

«И стану я со всѣхъ брать пошанну:

«Съ дымовъ—подымовное,

«Съ красныхъ дѣвушекъ—почередное,

«А со молодухекъ—повѣнчивое.»

И вышелъ Микита Романовичъ, царскій дяушкя,

На своей на ковѣ крашенъ крылецъ,

Возговорилъ онъ громкимъ голосомъ:

«Еще есть ли на царскомъ дворѣ богатырки?»

(На тотъ часъ ихъ не случилось,

Они же всѣ поразѣхались)

«Чтобы шли они, никого бы не спрашивались,

«И никому бы не докладывались.»

Пришли два брата роумые

Изъ села Ивановска,

По имя ихъ Иванъ Иванычи,
 По прозванью Кашинины.
 По царскому двору похаживаютъ,
 Пóлки заворачиваютъ, |
 Рукавчики позасучиваютъ,
 Усы за уши закладываютъ.
 Вы послушайте, что возговоритъ царскій дядюшка,
 Царскій дядюшка, Микита Романовичъ:
 «Вотъ вамъ Местрюкъ хлѣбъ-соль на столѣ.
 Хлѣбъ-соль на столѣ, а борцы на дворѣ!
 За что вы, свѣтъ, ухватитесь?» —
 Местрюкъ бросился — три стола уронилъ,
 Кострюкъ бросился—всю силу помялъ:
 Триста татариновъ, полтораста бояриновъ,
 Семьсотъ Донскихъ казаковъ.
 Ну, выходитъ Местрюкъ на царскій дворъ,
 Брать Иванъ Иванычъ поперекъ его,
 Поднималъ повыше себя,
 А опускалъ пониже себя.
 Первой пошибкой пошибъ—
 Одежку долой съ него сшибъ,
 А другой пошибкой пошибъ —
 Рубашку долой съ него сшибъ:
 Оставался Местрюкъ, въ чемъ мать его родила.
 Онъ соромъ свой замалъ
 И подъ крылецъ побѣжалъ.
 Да увидала его сестрица родимая, Марья Демругьева:
 «Ты дуракъ (говорить), дуракъ, мужичій сынъ!
 Поборола бы его какъ полекше нибудь.»
 — «Послушайте, Марья Демругьева!
 Теперича я вывелъ измѣнушку изъ всей земли,
 А Казанское царство къ себѣ приклонилъ.»
 А былъ у ихъ единъ чадо милый, Федоръ Ивановичъ...
 «Охъ ты еси Грозный царъ Иванъ Васильевичъ,
 «Хопя ты вывелъ измѣну изъ всей земли,
 «А не вывелъ измѣнушку изъ своѣа дому:
 «Твоя измѣнушка передъ тобою стоитъ,
 «Съ тобою рѣчь говорить,
 «Единое платье носите одноцѣтное,
 «И единое кушанье кушаете сахарное.»

На то же Грозный царь прогнѣвался,
 И бралъ своего сына за правую за руку,
 И вывелъ онъ его на новъ красенъ крылецъ;
 Возговорилъ онъ громкимъ голосомъ:
 «Да есть ли здѣсь грозные палачики?»
 «Взяли бы моего сына,
 «И повели бь его на поле Кулическое,
 «Привязали бь его ко плахъ дубовой,
 «И сняли бы съ него буйную голову!»
 Всѣ палачики испужались,
 Со царскаго двора разбѣжались,
 Оставался одинъ Малютка, Скурлатовъ сынъ,
 И бралъ его сынъ за руку,
 Повелъ его на поле Кулическое,
 И увидалъ его царскій дядюшка, Микита Романовичъ:
 «Охъ ты, Малютка! Не за тѣ ты столы сажаешься,
 «Не за тѣ кушанья принимаешься,
 «Сходи же, Малютъ, на псарный дворъ,
 «И возьми-ка же пса немилаго,
 «И сними съ него голову,
 «И принеси имъ въ крови саблю вострую!»
 — «Охъ вы есть мои сенаторы, 2.
 «Да князя и бояре!
 «Прѣзжайте вы въ соборъ, церковь Божию,
 «И служите вы молебны опчіе печальныя
 «О моемъ сынѣ, Федорѣ Ивановичѣ,
 «И надѣвайте черную одежду печальную!»
 Всѣ прѣехали министры, князя и бояре
 И въ соборъ, церковь Божию,
 И въ одежъ всѣ—въ черную печальную,
 И служили всѣ молебны опчіе печальныя,
 А царскій дядюшка, Микита Романовичъ,
 Надѣвалъ одежду форменну
 И приказалъ служить молебны за здравіе.
 Обернулся нашъ Грозный царь:
 «Почему же ты, свѣтъ, радуешься?
 «Зачѣмъ ты заказывалъ молебны за здравіе?»
 — «Потому-то я заказывалъ молебны за здравіе,
 «Что представлю вамъ сына въ живности.»
 И бралъ онъ за ефесъ саблю вострую,

Протыкалъ онъ ему ногу правую.
 Возговорилъ онъ громкимъ голосомъ:
 — Подайте мнѣ перваго дохтура,
 Загѣчилъ бы ему ногу въ три часа.—...

(Зан. мною).

б).

(Калужск. губ.).

Ахъ люди, люди старые,
 Старики вы стародавніе,
 Вы послушайте, что я буду сказывати,
 Разговоры разговаривати,
 Что про нашего про свѣтъ-то царя,
 Про царя-то Ивана Васильевича.
 Какъ нашъ царь холостъ былъ,
 Васильевичъ не женатый былъ;
 Онъ бралъ изъ чужой земли, —
 Молоду младу Черкасьевну,
 Ахъ и свѣтъ Марью Тимрязьевну.
 Онъ и много приданого взялъ—
 Городовъ съ пригородками,
 Что и селки съ приселками,
 Онъ много гостей зазывалъ.
 Какъ всѣ-то гости съѣхались,
 Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ:
 Ахъ и нѣтъ гостя любимаго его,
 Да жены брата роднаго.
 Приѣхалъ онъ апослѣ всѣхъ,
 А садится повыше всѣхъ,
 Что за тѣ столы дубовые,
 За тѣ скатерти бранныя
 А за яства сахарныя, —
 Хлѣба-соли онъ не кушаетъ,
 Бѣла лебеда не рушаетъ,
 Онъ и лихо-то думаетъ,
 Что на нашего на свѣтъ-царя;

На царя Иванъ Васильевича.
 Возговорить Кострюкъ-Мострюкъ:
 «Сколько я земель проходилъ,
 «Сколько я городовъ проѣзжалъ, —
 «Не сыскалъ по себѣ борца, бойца,
 «Не сыскалъ по себѣ удала молодца.»
 Нашъ царь разсердился,
 Свѣтъ Васильевичъ разгнѣвался,
 Онъ и вышелъ на красно крыльцо,
 Онъ и гаркнулъ по всей каменной Москвѣ:
 «Вы сходитесь, борцы, бойцы,
 «Вы сходитесь удалые молодцы!»
 Какъ сошлись, борцы, бойцы,
 Какъ сошлись удалые молодцы,
 Ахъ и свѣтъ дѣти Калашниковы.
 На ногахъ они низешеньки,
 Во плечахъ широкошеньки,
 Они бороды расчесываютъ,
 Они ушки разглаживаютъ,
 На ножку прихрамливаютъ,
 На мосокъ приговариваютъ.
 Возговорить царь Иванъ Васильевичъ:
 «Выходите-ко Кострюкъ-Мострюкъ!
 «Есть у меня борцы, бойцы,
 «Есть у меня удалые молодцы.»
 Какъ сталъ вставать Кострюкъ-Мострюкъ,
 Полтора ста скамей свалилъ, —
 А триста господъ задавилъ.
 Онъ схватился и съ старшимъ братомъ.
 Они водились день до вечера.
 Возговорить меньшій братъ:
 «Ахъ! ты братъ, ты братъ мой родной!
 «Не теряй своего купечества,
 «А еще къ тому молодечества!
 «Ты подай-ка мнѣ, борцу, бойцу,
 «Ты подай-на мнѣ, удалому молодцу!» —
 Онъ и сталъ его обхватывать,
 Да повыще себя взмахивать,
 Онъ ударилъ объ сыру мать-землю. —
 Сыра мать-земля дрогнула,

На немъ тѣло было лопнуло,
 А сапожки сами съ него свалилися.
 Возговорить молода, млада Черкасьевна,
 Ахъ свѣтъ Марья Тимрюзьевна:
 «Ты мужикъ, ты мужичій сынъ,
 «Подкрапивныя твои сѣмены!
 «Ты не билъ бы объ сыру мать-землю,
 «Ты смялъ бы зеленъ кафтанъ
 «И сафьянные сапожонки,
 «Ты пустилъ бы его тѣлешомъ-нагишомъ.»
 Возговорить царь-государь,
 Царь Иванъ Васильевичъ:
 «Ахъ и чѣмъ дѣти васъ жаловати,
 «Городами ли, пригородками,
 «Или золотой казной?»
 Возговарятъ свѣтъ-дѣти Калашниковы:
 «Не жалуй насъ, царь-государь,
 «Ни городами, ни пригородками,
 «Ни золотой казной,
 «Вели намъ торговать безданно, безошплинно.»

(Сообщ. А. П. Гавриковой.)

в).

(Пермск. губ. Камышловск. уѣзда.)

Вздумалъ нашъ царь-государь Иванъ Васильевичъ,
 Захотѣлъ поженитися.
 Засваталъ во мной земль у Стрюка Семрюковича,
 Марью Стрюковну, молодую Черкашенку.
 Пріѣхалъ пріѣзжій гость Стрюкъ Семрюковичъ,
 Онъ пива-вина не пьетъ, хлѣба не кушаетъ,
 Бѣлую лебедь не рушаетъ...
 Ходить пристольникъ царевъ Микита Романовичъ:
 «А что у насъ за пріѣзжій гость?
 «Пива-вина не пьетъ, хлѣба не кушаетъ;
 «Не на насъ ли онъ лихо думаетъ,
 «Не на нашего ли грознаго царя Ивана Васильевича?»
 Отвѣчаетъ Стрюкъ Семрюковичъ:
 «Хоть я пива-вина не пью, хлѣба не кушаю,
 «На васъ лиха не думаю.»

«Думаю я: есть ли кому у васъ въ Москвѣ бѣлокаменной
 «Со мной поборотися, побарахтаться?
 «Промежу собой силу извѣдати?»
 Выходить пристольникъ царевъ Микита Романовичъ
 На прекрасное крылечко борца спрашивать...
 Борцы испужалися, за Москву разбѣжались,
 Одинъ Васинька, одинъ маденькой,—
 — Дѣться-то ему некуда, убѣжать не надѣется, —
 Ко крыльцу онъ подвигается, ко полатъ бѣлокаменной.
 Увидалъ его Семряковичъ, молодой Черкешенокъ,
 Не могъ за столомъ усидѣть, черезъ столъ колесомъ покотилъ,
 Три скамьи подломилъ, пятьдесятъ человекъ уронилъ,
 Прибѣжалъ на крутое крыльцо,
 Сталъ на круги похаживать, круто полы замахивать.
 — «Слушай царь-государь, грозенъ Иванъ Васильевичъ!
 «Толи ты дружишь, толи смѣешься надо мной?
 «Съ кѣмъ я это буду боротися?
 «Не съ кѣмъ плечамъ раскодитися,
 «Не съ кѣмъ носкомъ колотитися.»
 Отвѣчаетъ ему Васинька, отвѣчаетъ маленькій:
 «Я ударюся о великъ закладъ: кто кого поборетъ—
 «Раздѣвать того до-нага, разувать того до-боса,
 «Пинать того подъ г...о подъ круто крыльцо»....
 Зачали круто-на-круто похаживати,
 Круто полы замахивати.
 Хватилъ его Васинька, хватилъ его маленькій, —
 Съ бедра да и о землю....
 Поснималъ платя до-нага, разувалъ ноги до-боса,
 Запиналъ подъ круто крыльцо...

(Зап. Членомъ еотрудникомъ Имп. Русск. Геогр. Общ. А. Я. Кокосовымъ и сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

г).

(Новгор. губ. Кирил. уѣзда.)

Паштрукъ, Паштрукъ, пашъ турецкій,
 Пашъ турецкій да земли Грецкія;
 Приходить онъ въ каменну Москву,
 Въ каменну Москву къ Государю самому?

«Ужь вы гой еси, цари Бѣлые,
 «Иванъ Васильевичъ, Никита Романовичъ,
 «Московскіе управители всей Москвы!
 «Дайте мнѣ супротивника, борца поборотися,
 «Если вы не найдете, то васъ въ пастухи найму.»

Посылають цари Бѣлые трехъ посланниковъ,
 По каменной Москвѣ искать двухъ братцовъ, двухъ роднень-
 кихъ:

Одного Степаньку маленькова, другава Ваську коротенькова.

И искали ихъ ровно трои суточки:

(Нашли ихъ въ кабакѣ пьяными)

— «Здорова, два братца, два родненькіе,
 — Степанко маленькой, Васютка коротенькой!
 — Васъ царь скоро требуетъ.»
 — За чѣмъ онъ скоро требуетъ?
 — У насъ съ похмѣлья головы болятъ,
 — Дайте намъ зелена вина ровно два ведра!—

Посланники деньги выдали.

Приходятъ два братца родненькіе на бѣлый дворъ:

«Вы здравствуйте Цари Бѣлые,
 «Иванъ Васильевичъ, Никита Романовичъ,
 «Московскіе управители всей Москвы!
 «За чѣмъ же мы скоро вамъ надобны?»
 — Приходимъ къ намъ Паштрукъ,
 — Пашъ Турецкій, земли Греція;
 — Просить сопротивника, борца поборотися,
 — Если я не найду, то хочеть въ пастухи нанять.—

Богатырское сердце Паши разгорѣлося;

Выскочилъ онъ изъ-за дубовыхъ стодовъ,

Изъ-за явствъ сахарныхъ, изъ питей медовыхъ.

Поломилъ триста поповъ, сто пятьдесятъ дьяконовъ;

И пятьсотъ Донскихъ казаковъ.

Какъ по половкамъ идетъ, половки подрагивають;

По ступенькамъ идетъ, ступеньки вверхъ играють;

И выходитъ онъ на бѣлый дворъ:

«Здорова, два братца, два родненькіе,
 Одинъ Степанька маленькой, другой Васютка коротенькой!
 Васька на ножку припадываетъ, а самъ приколыхиваетъ.
 Возговорилъ Васька таково слово:
 — Ужь вы гой еси, Цари Бѣлые,

— Иванъ Васильевичъ, Никита Романовичъ,
 — Московскіе управители всей Москвы!
 — Смытъ ли намъ съ такимъ невѣждой поборотися?
 Какъ бы вамъ Богъ помогъ...
 Бралъ же Пашу Васька за толстыя руки, за мягкіе бока;
 Грянулъ его о сырую землю,
 Сыра земля раздалася на казенную сажень,
 Сорвалъ съ него ожерельице въ пятьсотъ рублей.
 Приходитъ къ нему молодая жена:
 — Пашъ Турецкій, да земли Греціи:
 — Этакъ у насъ и не водится,
 — Этакъ у насъ и не борются.
 — Этакъ у насъ борются,
 — Этакъ у насъ водится...
 Какъ возговорилъ Иванъ Васильевичъ:
 Чѣмъ же я васъ буду дарить, жаловать?
 Ничего намъ не надобно; только дай пожить, погулять,
 Пожить, погулять трои сутоки.

(Зап. У. Сермягинъ въ 1860 г. Сообщ. Л. Н. Майковымъ).

Смерть Грознаго царя **Ивана Васильевича**.

а).

(Самбирск. губ. Буниск. уѣзда, дер. Козлова)

Какъ ударили въ Москвѣ въ большой колоколъ,
 Только слышно то было по всей каменной Москвѣ —
 (И по всей арміи, и по всей конной гвардіи)
 Еще померъ-то у насъ Православный царь
 Православный царь Иванъ Васильевичъ.
 «Сдѣлаемъ ему гробокъ кипарисовой,
 «Саванокъ-то сошьемъ миткалиновый,
 «Мы схоронимъ царя за Москвой рѣкой!»

6).

(Той же губ. Корсунск. уѣзда, с. Усть-Урень).

Ужь ты батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ!
 Ужь ты свѣтишь, мѣсяцъ, во всю темную ночь:
 Освѣти-ка, мѣсяцъ, каменну Москву!
 Въ каменной-то Москвѣ, во святой Русѣ,
 У собора было у-во Спенскаго,
 Молодой-то солдатъ на часахъ стоять,
 На часахъ-то стоять, Богу молится,
 Богу молится, самъ слезно плачетъ:
 «Понесите съ горь, буйны вѣтры,
 «Разнесите, вѣтры, всё желты пески!
 «Разступись, матушка-сыра земля,
 «Вскройся, гробова доска,
 «Распахнись-ка, бѣлъ тонкой савань,
 «Ты возстань, возстань, Православный царь,
 «Православный царь, Иванъ Васильевичъ!
 «Ужь вся-то Москва на потрясъ пошла,
 «Ужь всё-то полки во походъ пошли, —
 «Ужь первый-то полкъ пошелъ Семеновскій,
 «А другой-то полкъ пошелъ Измайловскій,
 «Третій пошелъ Петропавловскій:
 «Ужь всё-то купцы перепугалися,
 «На синее моречко разбѣжались,
 «На легкія лодочки побросались»

(Объ запис. мною: первая отъ крестьянина Максима Щербакова;
 послѣдняя отъ ратника Картавенкова).

Про Дмитрія Царевича.

(Саратовск. губерн. городъ Хвалыинскъ).

Въ восьмомъ году, въ восьмой тысячѣ,
 Въ нынѣшнемъ народѣ правда вывелася,
 Вселилось въ народѣ лукавство великое,
 Упало лукавство не на воду и не на землю,
 Упало лукавство царю Дмитрію на бѣлу грудь.

Убили же царя Дмитрія во гуляньѣ на игрищахъ;
 Убилъ же его Гришка растриженный,
 Убимши его самъ на царство съѣлъ,
 И не скóлько царилъ — только семь годовъ.

(Запис. мною 19 Юля 1872 года, отъ крестьянина Чертоцкова).

2.

(Симбирской губер. Корсунскаго уѣзда, въ селѣ Усть-Уренѣ).

Убили, убили царевича въ Угличѣ,
 А мощи его явились въ каменной Москвѣ,
 Во славномъ во соборѣ Архангельскомъ.
 Ахъ Боже ты нашъ, Боже!
 За что на насъ Господь прогнѣвался?
 Сослалъ намъ Господь намѣстничка,
 Что того ли вора Гришку Отрепьева.
 Гришка Отрепьевъ незаправскій царь —
 Признавалъ, узнавалъ его пятисотный стрѣлецъ...
 Всѣ добрые люди идутъ къ заутрени,
 А Гришка съ Маришкой въ баню идутъ.

(Запис. мною отъ крестьянина Цыплова).

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(Вятской губерніи).

Не во далече, далече во чистомъ полѣ,
 А еще того подалѣ на синемъ морѣ —
 Не два ясна соколочка солеталися,
 Они старые колбича безпачпортные,
 Они думушку гадали, думу крѣпкую,
 Думу крѣпкую гадали да единую:
 — А кому же изъ насъ, братцы, атаманомъ быть?
 Атаманомъ быть Микитушкѣ Бугрѣву,

Есауломъ быть Ермошкѣ Тимофееву. —
 Атаманъ-отъ говорить, ровно въ трубу трубить,
 Есаулъ-отъ говорить, ровно во свирѣль игралъ.
 — А не полно ль намъ, ребята, разбой держать?
 Разбивали мы, ребята, бueвые корабли,
 Что Пермьтски, Астрахански, все купеческіе. —
 Пермьтскую губернію возьмемъ съ вечера,
 Астраханскую губернію во тужу полночь,
 Мелки славны городишки на утрѣ возьмемъ,
 Что во мелкихъ городишкахъ не задержимся.

(Сообщ. Н. А. Александровича).

Про Стеньку Разина.

(Пермской губ. Вавышевск. уѣзда.)

1.

Какъ по ранней, ранней утренней зарѣ,
 Внизъ по матушкѣ по Волгѣ по рѣкѣ,
 Выплываетъ быстра лодочка легка,
 Быстра лодочка легка о шести-то о гребцахъ,
 Что въ этой легкой лодочкѣ сидитъ,
 Въ ней сидитъ-то принаряженный купецъ,
 Онъ плыветъ-то въ славный городъ Астрахань,
 Въ славный городъ Астрахань, по купеческую дочь.
 Охъ, красавица купеческая дочь!
 Выходи-ко на высокое крыльцо,
 Ты встрѣчай-ко астраханскаго купца,
 Стеньку Разина удала молодца!
 Ты садь-ко за набраные столы,
 Меду-патоки съ поклономъ подноси,
 Ты цѣлуй-ко Стеньку въ молодецкія уста,
 Ужь за это тебя Стенька наградитъ,
 Шелку-бархату на нязть подаритъ.

(Тамъ же).

Во славномъ было городъ во Астрахани,
 Проявился тутъ дѣтинушка незнамой человѣкъ,
 Буро-щепетно по городу похаживаетъ,
 У купцовъ гостинный дворъ запечатываетъ.
 Увидали молодца со Астраханскаго крыльца,
 Закричалъ тутъ губернаторъ громкимъ голосомъ,
 Вы подите; приведите добра молодца сюда,
 Къ губернатору на дворъ. . .
 Его началъ губернаторъ грозно спрашивать:
 — Отколѣ ты такой, дѣтинушка, незнамый человѣкъ,
 Не бѣглець-ли ты, не бѣглый-ли прохожий человѣкъ,
 Поведите молодца во Астраханскую тюрьму! —
 Только успѣлъ молодецъ одно слово сговорить:
 — Завтра мой батюшка самъ къ тебѣ въ гости придетъ,
 Ты умѣй-ко его встрѣтить, умѣй честно проводить. —
 Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ по рѣкѣ,
 Тутъ плыла-то, выплывада одна лодочка легка,
 На лодочкѣ гребцовъ пятьдесятъ молодцовъ.
 Хорошо гребцы гребутъ, складно пѣсенки поютъ.
 Одинъ-то молодецъ не грянетъ, не гребетъ.
 — Что-то сегодня мнѣ, ребятушки, день скучный,
 Что-то сего дня моему сердцу въщю. . . .
 Знать-то мой сынокъ во погибели сидитъ,
 Во погибели во большой, во Астраханской во тюрьмѣ.
 Пособи, Боже, въ Астрахань городъ зайти,
 Астраханскую тюрьму головней всю покачу,
 Астраханскихъ всѣхъ невольниковъ на волю расцую,
 Съ самага--то губернатора со живаго кожу сдеру,
 Астраханскую губернаторшу на штыкъ посажу,
 Астраханскую его дочь себѣ въ постельницы возьму.

(Объ запис. Членомъ-сотрудникомъ Имп. Русск. Географ. Общества
 А. Я. Кокосовымъ и сообщ. Л. Н. Майковымъ).

3.

Ахъ да наши лѣса ль лѣсочки,
 Лѣса темные,
 Ахъ да вы станы ли наши,
 Станы наши теплыя!
 Ахъ да еще всѣ-то наши, братцы, да лѣсочки
 Всѣ лѣса наши порублены!
 Ахъ да еще всѣ-то наши, братцы, да кусточки
 Всѣ кусты наши повызжены!
 Ахъ да еще всѣ-то наши, братцы, друзья-товарищи,
 Ой, братцы, всѣ переловлены.
 Ахъ да всѣ въ желтые въ ручные они кандашки
 Да всѣ позакованы!
 Ахъ да всѣ по увѣднымъ, братцы, городкамъ
 Они всѣ поразосланы,
 Ахъ да всѣ по мѣстамъ они только по допросамъ
 Они подпрошены!
 Ахъ да что одинъ за насъ, братцы, только товарищъ.
 Одинъ только не пойманъ былъ,
 Да по-прозванью былъ-то онъ, по фамильицу,
 Онъ былъ Сенька Разинъ сынъ.
 Ахъ да зашаталась его буйная вотъ головушка
 Она только по чистому полю.
 (Сибирь. На Ильгинскомъ винокуренномъ заводѣ, на рѣкѣ Лемъ).

4.

(Тамъ же).

Горы, горы, горы крутыя
 Вы горы Зиьевы,
 Вы позвольте горы,
 Горы постояти, —
 Намъ не годикъ здѣсь годовати,
 Одну ночку ночевати,
 И тою всю не спати:
 Пуль, пороху набирати,
 Пушки, ружьи наши заряжати,
 Во чисто поле стрѣляти,
 Стенку Разина намъ встрѣчати.
 На Петровскомъ на лужечкѣ

Всѣ майданки * запусъли,
 Всѣ несчастные приуныи:
 Стѣнки Раина вотъ у насъ не стало,
 Мы пойдемъ-те-ка, ребята,
 Въ бѣлокаменны палаты, —
 Ахъ да изъ палатушекъ посмотримъ
 Внизъ по матушкѣ да по Водгѣ,
 Да по широкой, славной долгой:
 Не бѣлымъ было на ней забѣладо,
 Не чернымъ, черно зачернѣло
 Забѣладо то тонки парусочки.

(Обѣ записаны И. П. Корниловымъ.)

5.

(Симбирск. губ. Кореун. уѣзда, села Усть-Урень.)

Не рябинушка со березынькой совивается,
 А не травонька съ травонькой соплетается,
 Какъ не мы-ли, добрые молодцы, совыкаемса.
 Какъ лѣса-ли мои, лѣсочки, лѣса темные,
 Вы кусты-ли мои, кусточки, кусточки таловые,
 Вы станы-ли мои станочки, вы станы мои темные,
 И еще ли вы мои, лѣсочки, всѣ порубленные,
 Всѣ кусты мои, кусточки, всѣ поломанные:
 Всѣ друзья мои, братцы-товарищи, переловленные
 По разнымъ тюрьмамъ всѣ посаженные,
 Оставался одинъ товарищъ Стенька Разинъ сынъ....

(Запис. мною въ 1856 г. отъ крестьянина Цылова.)

6.

(Пермск. губ. Камышл. уѣзда.)

Середь поляшка, поля чистова,
 Тутъ-то дубъ стоитъ одинъ одишешенекъ,
 А подъ дубомъ тѣмъ добрый молодець,
 Добрый молодець Степанъ Тимофѣевичъ.

* Майданки — разбойничьи станы.

Передъ нимъ лежитъ ружье бранное,
 По лѣву руку что тяжелъ камень,
 По праву руку сабля острая.
 Воздохнувши онъ слово вымолвилъ:
 — Охъ ты волюшка, воля буйная,
 Воля буйная да казацкая!
 Спогубила ты добра молодца,
 Добра молодца Стеньку Разина!
 Кабы слушался отца съ матерью,
 Словажилъ бы крестова батюшку,
 Не скитался бы по бѣлу свѣту....
 Какъ умру-то я доброй молодець,
 Похоронять меня безъ отпѣтія,
 Безъ креста, безъ попа, безъ ладона,
 Во темномъ лѣсу, во сыромъ бору,
 Прощумить по мнѣ лѣсъ дремучій боръ:
 — Память вѣчная Стенькѣ Разину!—

7.

(Тамъ же.)

Хорошо-то городъ испостроился,
 Лучше городу да лучше Питера,
 Да лучше матушки каменной Москвы, —
 Вокругъ города да роща зеленая,
 Въ этой рощицѣ воры разбойнички.
 Вся-то рощица да испорублена,
 Балаганчики все разоренные,
 Все-то воры-разбойнички да пойманы —
 Поймали-то плута Стеньку Разина,
 Его поймали да связать не могли,
 Міромъ проклинали да на-низъ прогнали...

8.

(Тамъ же.)

Ужь загорѣлася въ чистомъ полѣ ковыль трава,
 Добралася до бѣлаго до камешка,—
 Что на камешкѣ тамъ сидитъ младъ, ясенъ соколъ—
 Подпалилъ-то свои крылушки быстрые,
 Обжегъ-то соколъ ноженьки скорыя.
 Прилетало-то къ соколу стадо вороновъ,
 Садилась-то вороны вокругъ сокола,
 Что въ глаза-то ясну соколу насмѣхались,
 Называли-то яснаго сокола вороною:
 — Охъ ворона ты, ворона да подгуленая! —
 Возговорить въ кручинѣ младъ ясенъ-соколъ:
 — «Уже какъ пройдетъ бѣда моя да со кручиною,
 Отращу что я свои крылья, крылья быстрыя,
 Заживлю я свои ноги скорыя,
 Ужь взовьюся я ясенъ-соколъ выше облака,
 Опущуся я въ ваше стадо быстрой стрѣлой,
 Перебью я васъ черныхъ вороновъ до одинаго.» —
 Когда былъ Степанъ Разинъ во неволюшкѣ,
 Вскричалъ-то онъ, воплилъ громкимъ голосомъ:
 — «Ой вы гой еси мои друзья, братцы, товарищи,
 Не покиньте вы меня во неволѣ добра молодца,
 Ужь пригожусь-то я вамъ, братцы, на время,
 Замѣню-то я вамъ смерть животомъ моимъ,
 Животомъ моимъ да вольною волею....

(Всѣ три записаны Членомъ — сотрудникомъ Имп. Русск. Геогр. Общества А. Я. Кокосовымъ и сообщ. Л. Н. Майковымъ)

9.

(Московской губ. Коломенскаго уѣзда.)

У Троицы было у Сергія подъ горой,
 За каменною за бѣлою стѣной,
 Стояла тамъ темная темница.
 А во той ли темной темницѣ

и

Сидѣлъ тамъ удалой молодчикъ
 По имени-прозванью Стенька Разинъ.
 Никто къ нему не зайдетъ и никто не заѣдетъ,
 Зашла къ нему, захвала гостя дорогая,
 Гостя дорогая, матушка родная:
 — Дитя ли ты мое, дитятко, дитя чадо милее!
 Не полно ли тебѣ, мое дитятко, во темницѣ сидѣти
 Не пора ли тебѣ, мое дитятко, вонъ выходить!
 Семь разъ я тебя выкупала, —
 По тысячѣ рублей давала,
 А теперь восьмой тысячи не стало. —
 — При пирѣ при бесѣдушкѣ
 Много друзей-братьевъ,
 А какъ при горѣ, при кручинѣ —
 Всѣ прочь отступились.

(Собщ. А. Н. Островскаго.).

Просинна Стеньки Разина.

1.

(Саратовской губ. Сердобск. уѣзда.)

Какъ по Астраханской по улицѣ
 Шелъ удалый молодецъ (2)
 Въ черной бархатной корсеточкѣ,
 На распашечку идетъ (2)
 И свой персидскій кушачекъ (2)
 Во правой рукѣ несетъ.
 Черная шляпа (2) съ прозументами
 На лѣвомъ (2) ушкѣ.
 Съ енералами, съ сенаторами
 Самъ не кланяется, идетъ (2)
 Къ Астраханскому губернатору
 Самъ подъ судъ къ нему не идетъ (2):
 Увидалъ же его губернаторъ
 Съ бѣлыхъ каменныхъ палатъ (2),
 Закричалъ же губернаторъ
 Громкимъ голосомъ своимъ (2):
 — «Слуги мои вѣрные,

Вы донскіе казаки (2)
 Вы подите разыщите-ка,
 Разудалаго молодца, (2)
 И вы ищите его добра молодца
 По всей Астрахани, (2)
 И вы ищите его разудалаго
 По трактирамъ-кабакамъ, (2)
 Да и по питейнымъ домамъ. (2) —
 И привели же его разудалаго
 Къ губернатору подь судъ, (2)
 И сталъ же его губернаторъ
 Крѣпко выпрашивать:
 — Да уже чей ты и отколь же,
 Чьего роду племени?
 А ты чьего дома,
 Чей ты матери, отца?
 Ты не съ Волги ли бурлаченка,
 Ты не съ Дону ли казакъ? (2)
 Ты не съ матушки ли каменной Москвы,
 Ты купеческой сынокъ?—
 — Я ни съ Волги ни бурлаченка,
 И ни съ Дону я казакъ, (2)
 Я ни съ матушки съ каменной Москвы,
 Ни купеческой сынокъ. (2)
 Ахъ я съ рѣчунки со Камушки,
 Сеньки Разина сынокъ. (2)
 Закричалъ же на него губернаторъ
 Громкимъ голосомъ своимъ: (2)
 — Ахъ вы поведите его разудалаго
 Въ бѣлый каменный острогъ (2). —
 Ахъ да невольничковъ какъ я выручу,
 Губернатора я выгучу, (2)
 Ахъ да по всей ли Астрахани
 А я моремъ проплыву (2)
 Всѣхъ невольничковъ нарусомъ приведу.

(Зан. В. А. Мисюдовой.)

2.

(Новгород. губ.)

Отутылся-проявился адсь незнакомый человекъ,
 Здсь незнакомый, незнакомый, неизвѣстно чей откуль.
 Баско, шепетно во городу погуливаетъ, —
 На басу ногу башмачки, черна шляпа пуховая,
 Синь кафтанчикъ на молодцѣ на распашечку надѣтъ,
 Бѣль персидской кушачекъ черезъ плечико взукрестъ.
 Ужъ какъ шель-прошелъ дѣтинушко гостиннымъ рядомъ,
 Гостиннымъ, рогозиннымъ съ Астраханскимъ купцомъ.
 Астраханскій губернаторъ увидѣлъ изъ окна,
 Ему честь онъ вождаетъ, низко кланяется,
 Низко кланяется, все выспрашиваетъ:
 — Ужъ ты чей, откуль, дѣтина, чьихъ губернень-городовъ? —
 Я такой-сякой дѣтина, Сеньки Равина сынокъ,
 Сеньки Разина сынокъ, расторопный даренѣкъ.

(Сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

3.

(Сарат. губ. Хвалынск. уѣзда, с. Безобразовка).

Видѣть во Волгѣ по рѣкѣ по астраханской,
 Тутъ и шель проиель мальчишка,
 Онъ не знамый, разудалый, чей тамой!
 На немъ свренскій кафтанчикъ, голубой на немъ камзолъ,
 Голубой на немъ камзолкъ, на распашечку плетъ,
 Свои персидской кушачишко во правой рукѣ несетъ,
 Разблехоньки перчатки во лѣвой рукѣ держалъ,
 Разбумажненьки чулочки на рѣзныхъ его ногахъ,
 Козловые полусапожки на бумажиневыихъ чулкахъ,
 Черна шляпа со бархоткой на русыхъ его кудрахъ.
 Шель онъ городомъ-базаромъ — не кланялся ни съ кѣмъ,
 Ни съ купцами, ни съ господами, ни съ кѣмъ чарму шладу не
 ломалъ,
 Съ Донскими казаками челомъ землю не бьетъ,
 Къ Астраханскому новому губернатору подъ судъ нейдетъ.
 Заходилъ молодчикъ удалый въ царевъ новый кабакъ,

И беретъ вина много, — никому расчетъ деньгамъ не даетъ,
 Расчетъ деньгамъ не даетъ, на поставъ рукою бьетъ.
 И увидѣлъ Князь губернаторъ со высокаго крыльца,
 Закричалъ Князь губернаторъ громкимъ важнымъ голосомъ:
 — У меня ли при дворцѣ слуги вѣрныя при живѣ?
 Вы подите слуги вѣрныя во царевъ новый кабакъ,
 Тамъ какой-то невѣжа вино пьетъ, расчетъ деньгамъ не даетъ,
 Расчетъ деньгамъ не даетъ, на поставъ рукою бьетъ,
 Вы возьмите слуги вѣрныя, приведите его сюда. —
 Какъ взяли-ухватили его удалова молодца,
 Повели молодчика къ губернатору къ крыльцу.
 И сталъ Князь губернаторъ крѣпко спрашивать его:
 — Ты скажи, скажи, дѣтинка изъ какихъ ты изъ земель,
 Иль ты князь какой, иль бояринъ, иль купеческій сынъ,
 Иль изъ иныхъ городочковъ не скорой ли ты посоль?—
 Разудаленый мальчишка отвѣтъ скоро держалъ:
 — Я ни князь, ни бояринъ, ни купеческій я сынъ,
 Ни изъ иныхъ я городовъ ни скорой я посоль;
 А я со тою сторонки, со Камы со рѣки,
 Со Камы со рѣки, Стеньки Разина сыночекъ.—
 — Посадили молодчика въ верхній каменный камаръ.
 И по камару онъ похаживаетъ,
 Частехонько въ окошечко поглядываетъ.
 Внизъ по Волгѣ по рѣкѣ плыли-выплывали эвсаулушки три
 отружыя:
 Во первымъ во стружечкѣ золотая его назва лезить,
 Во другимъ во стружечкѣ гребцы пѣсельники сидятъ,
 Во третимъ во стружечкѣ — самъ Степанъ Разинъ Тимофѣевъ.
 И возгаркнулъ онъ, воскрикнулъ громкимъ-важнымъ голосомъ:
 — Ужь вы братцы мои, ребята! Мнѣ нынче темной ночи не
 свалось,
 Не спалось мнѣ темной ночи, много видѣлось во снѣ:
 Будто мой милый сыночекъ во-поймани сидитъ,
 Во такой во-поймани — бѣлокаменной тюрьмѣ...
 Я бѣлокаменну тюрьму по камешку разберу;
 Астраханскаго Князя губернатора къ себѣ подѣ судъ возьму.

(Запис. мною 24 Июля 1872 года, отъ крестьянина Фед.
 Семенова Вдовина).

Смерть Царя Алексѣя Михайловича.

(Москва).

Ужь ты батюшка свѣтелъ мѣсяць,
 Что ты свѣтишь не по прежнему,
 Не по прежнему не по старому,
 Все ты прятчешься за облака,
 Застылаешься тучей грозною!
 Какъ у насъ было на святой Руси,
 На святой Руси въ каменной Москвѣ,
 Во Кремльъ было въ славномъ городѣ,
 Близъ Ивана, близъ Великаго,
 Во соборѣ было во Архангельскомъ,
 Какъ у праваго было клироса:
 Молодой стрѣлецъ на часахъ стоитъ,
 На часахъ стоитъ, Богу молится,
 Онъ плачетъ какъ рѣка льется,
 Возрыдаетъ слезъ ручьи текутъ,
 Онъ и бьетъ бердыша древякомъ,
 Бердыша древякомъ о сыру землю:
 — Ужь ты гои: еси, мать сыра земля:
 Ты раздайся на всѣ стороны,
 Ты раскройся гробова доска,
 Развернися золота камка!
 Ты возстань, возстань Православный царь,
 Православный царь Алексѣй Михайловичъ,
 Посмотри ты на свою семью,
 На свою семью, на святую Русь,
 На святую Русь, на Москву матушку,
 Москву матушку сиротинушку!—

(Запис. со словъ Д. Е. Молчанова, слышавшаго эту пѣсню въ Москвѣ, отъ 134-лѣтняго старика солдата.)

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ПЕРВАГО.

Гнѣвъ Царя на стрѣльцовъ.

(Самарск. губ.)

Государь царь на стрѣльцовъ прогнѣвался,
 Приказалъ ихъ рубить и вѣшати.
 Случилось нашему батюшкѣ,
 Петру Алексѣвичу, со крыльца сойти:
 Передъ нимъ стоитъ дородный добрый молодець
 Стрѣлецкій атаманушка.
 На нёмъ соболья шубенка въ пять сотъ рублей,
 А бобровая шапочка въ тысячю.
 Онъ поклонился царю-то въ рѣзвы ноги:
 «Ой ты, ой еси нашъ батюшка,
 «Православный царь Петръ Алексѣвичъ!
 «Не прикажи ты весь оадъ рубить на корень,
 «Хоть покинь ты въ саду одну яблоньку на сімешку.»
 — Ой ты, ой еси стрѣлецкій атаманушка!
 — Ты пошелъ отъ меня на жѣсто на показное.

(Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.)

Рожденіе царевича Алексѣя Петровича.

(Пермск. губ. Камышловск. уѣзда.)

Какъ у насъ было во Царствѣ, каменной Москвѣ,
 У Царя-то у Петра-то у Перваго,
 Идетъ пиръ-пированьицо;
 Пьютъ на веселѣ, на радости
 Со князьями, со боярами:
 Родился у него милый сынъ Алексѣй Петровичъ.
 Ужъ и кличетъ Царь кличъ, гаркаетъ,
 По три утра, да по три вечера,

По три зари, зари утренія.

«Ужь и есть-ли въ Москвѣ плотнички,

«Государевы работнички?

«Ужь вы сдѣлайте плотнички золотую колыбелюшку,

«Младому царевичу Алексѣю Петровичу,

«Ее мудрую, хитрую изъ кипариснаго деревца.

«Въ головахъ-то вырѣзывайте: всходи красное солнышко,

«Въ ногахъ-то вырѣзывайте: перекатный свѣтель мѣсяць,

«По праву руку вырѣзывайте частыя звѣздочки,

«По лѣву руку вырѣзывайте коня добрава, сивова, косматова.»

На утрѣ было на утричкѣ, на сходимомъ красномъ солнышкѣ,

Приходили къ царю плотнички съ золотой колыбелю.

Ужь и эта же ему колыбелюшка весьма да поглянулася,

Младому царевичу Алексѣю Петровичу...

(Запис. Членомъ-сотрудникомъ Русск. Географ. Общества А. Я. Ккоко-совымъ и сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫНЪ.

1.

(Московск. губ. Коломенск. у.)

Не куликъ-то по болотѣ куликаеть,

Нашъ батюшка, князь Голицынъ, по Москвѣ гуляетъ,

Онъ проулками, переулками въ городъ проѣзжаетъ,

Ко Успенскому собору близко подѣзжаетъ.

Скидываетъ князь Голицынъ шапочку соболью,

Онъ кланяется, покланяется Царю-Государю.

«Здравствуй Государь-Царь, ты моя надежда!

«Прикажи Государь-Царь словечко промолвить:

«Что ты прочихъ господъ жалуешь волостями,

«А господскихъ дѣтей жалуешь чинами;

«А меня Государь-Царь пожалуй однимъ городочкомъ,

«Тѣмъ ли городочкомъ большимъ Ярославлемъ.

«Что и этотъ городочекъ хорошо построень,

«Хорошо городъ построень, при рѣкѣ поставленъ.»

(Сообщ. А. Н. Островскимъ.)

2.

(Воронежск. губ. Брючанск. у.)

Что ни куликъ по болоту
 Куликъ куликаеть,
 А молоденькій князь Голицынъ
 По лужкамъ гуляетъ.
 Онъ думаетъ-гадаетъ,
 Какъ въ Москву проѣхать:
 Лужкомъ князю ѣхать—грязно,
 Лѣсомъ ему ѣхать—страшно,
 Дорогою ему ѣхать—пыльно,
 Москвой ему ѣхать—стыдно.

Подъѣзжаетъ князь Голицынъ
 Ко Тверской заставѣ.
 «Ахъ держите вы, ребята,
 «Глухимъ переулкомъ
 «Прямо ко Собору.»
 Какъ скидаетъ князь Голицынъ
 Шапочку соболѣю.
 Вотъ Богу князь помолился,
 Царю поклонился.
 Подарилъ за то Царь князю
 Малымъ городочкомъ,
 Что тѣмъ малымъ городочкомъ,
 Славнымъ Ярославлемъ.

(Зап. А. Н. Афанасьевымъ.)

3.

(Псковск. губ.)

Не куличенка въ полѣ куликаеть,
 То молоденькій князь Голицынъ по лужку гуляетъ.
 Не единъ князь гуляетъ,—со своими полками,
 Со своими полками съ Донскими казаками,

Съ егерями съ стрѣлками.
 Стали думать, да гадать—
 Гдѣ въ Москву проѣхать:
 — Чистымъ полемъ князю ѣхать
 Очень гораздъ пыльно!
 Темнымъ лѣсомъ князю ѣхать
 Очень гораздъ темно!
 По подлѣсью князю ѣхать,
 Князю очень грязно!
 Каменной Москвой князю ѣхать
 Очень гораздъ стыдно!—
 Проѣзжаетъ князь Голицынъ
 Москвою рѣкою!
 Москвою рѣкою—большой слободою
 Слободой Ямскою!
 Енъ проѣзжаетъ князь Голицынъ
 Ко Москвѣ—ко Собору,
 И снимаетъ князь Голицынъ—
 Шапочку соболью!
 Начинаетъ князь Голицынъ самъ Богу молиться:
 Помилуй насъ Господи отъ невѣрной силы,
 Отъ вора Француза.

(Сообщ. М. И. Семева.)

4.

(Самбирской губ. Корсунскаго у., с. Усть-Урень).

Не куличенка куликаетъ,
 Не большой-то ли князь Голицынъ по лужкамъ гуляетъ.
 Онъ думаетъ-гадаетъ: гдѣ въ Москву проѣхать?
 «Лѣсомъ князю ѣхать,—очень темно;
 «А лугами князю ѣхать,—мужичкамъ накладно;
 «Косогоромъ князю ѣхать,—очень косогорно;
 «Чернобылью князю ѣхать,—очень чернобыльно;
 «А дорогой большой князю ѣхать,—очень пыльно;
 «А Москвою князю ѣхать,—очень стыдно.»
 У князя есть карета—худыя лесоры.

«Поворачивай, ребята, глухимъ переулкомъ!»
И подъѣзжаетъ князь Голицынъ къ Большому Собору...

(Зап. мною въ 1836 г. отъ 60-ти лѣтняго крестьянина, слѣнца Ефрема Полякова.)

5.

(Тамъ же.)

Не куликъ куликаетъ,
Не большой-то ли князь Голицынъ
Во лужахъ ли гуляетъ:
Не одинъ-то князь гуляетъ,
Гуляетъ-то со своими полками,
Да все съ казаками.
Онъ думаетъ-гадаетъ:
«Гдѣ бы въ Москву мнѣ проѣхать?
— Дороженькой князю ѣхать—пыльно;
Темнымъ лѣсомъ князю ѣхать—очень страшно,
А зеленами лужами ѣхать—топко.—
— Я проѣду, князь Голицынъ, на Московскую дорогу.»—
И выѣзжаетъ князь Голицынъ на Московску дорогу.
Подъѣзжаетъ князь Голицынъ къ Московскимъ воротамъ,
Какъ у князя Голицына худыя лесоры:
Онъ думаетъ, князь гадаетъ: какъ Москвой проѣхать?
Глухимъ переулкомъ, улицей Ямскою,
Улицей Ямскою, дорожкой Тверскою,
Дорожкой Тверскою, ко Спенскому Собору.
Подъѣзжаетъ князь Голицынъ ко Спенскому Собору,
Скидаетъ свою шапочку соболью,
И приходитъ князь въ соборную церковь,
Начинаетъ князь Голицынъ Богу молиться;
Помолился князь Голицынъ, всѣмъ низко поклонился,
Самому Императору поклонился пониже:
«Охъ ты, Государь нашъ, Императоръ!
«Всѣхъ ты господъ жаловалъ чинами,
«А меня ты ни чѣмъ не пожаловалъ?»
— Жалую тебя, князь Голицынъ, городомъ Ярославлемъ.—

(Зап. мною отъ ратника Николая Картавенкова.)

6.

(Смоленск. губ., Духовщинскаго у.)

Не куликъ въ полѣ куликаеть,
 Большой князь Голицынъ по лугу гуляетъ,
 Онъ думаетъ-гадаетъ, гдѣ пройтить, проѣхать:
 — Дорожкой ѣхать—очень пыльно,
 Темнымъ лѣсомъ ѣхать—очень страшно,
 Лугами ѣхать—трава спавелика,
 Каменной Москвой князю ѣхать—очень стыдно,
 На своихъ лесорахъ, на худыхъ на дрожкахъ.
 — Ёхать ли мнѣ князю не ѣхать глухимъ переулкомъ,
 «Глухимъ переулкомъ, новой слободою.»—
 Подъѣзжаетъ князь Голицынъ къ Большому Собору,
 Скидаетъ князь Голицынъ шапочку соболью,
 Восходитъ князь Голицынъ во Божию церковь.
 Всѣмъ князьямъ-боярамъ низко поклонился,
 Самому Императору поклонъ особливый.
 «Батюшка православный царь!
 «Чѣмъ господь ты жалуешь?»
 — Прочихъ-то господь жалую разными селами,
 — А тебѣ, князь Голицынъ, въ полѣ хоромы,
 — Въ полѣ хоромы—не крыты, не мшоны,
 — Не крыты, не мшоны—верхи не свершонны.

(Зап. мною въ 1863 г. отъ крестьянки.)

Князь Стрѣловскій.

(Самбирск. губ., с. Усть-Урень.)

Мимо лѣсику, мимо бору сыраго,
 Пролегала путь-дороженька;
 Никто по ней не прохаживаль,
 И никто по ней не проѣживаль:
 Только шель-прошелъ одинъ полкъ казаковъ.

Напередъ у нихъ ѣхалъ злой полковничекъ,
 Злой полковничекъ ѣхалъ, князь Стрѣлковскій.
 «Прикажи ты намъ здѣсь ночевати.»
 Князь Стрѣлковскій на то разсердился,
 И поѣхалъ онъ на крутыя горы,
 И беретъ во праву рученку подозрную трубоньку,
 И поглядывалъ на чисто поле далекохонько:
 Какъ во трубоньку ничего ему не видно,
 Только и видно ему—быстрая рѣчка,
 Какъ по рѣчушкѣ растеть камышь-травка,
 Какъ со вечера травка притихаетъ,
 Ко полуночи травка зашумѣла,
 Ко бѣлой-то зарѣ травка завѣвала....

(Зап. мною отъ ратника Николая Картавенкова.)

Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ въ плѣну у царя Турецкаго.

Ужь таланъ ли мой, таланъ такой,
 Ужь ты участь моя горькая!
 Ты звѣзда ль моя восточная,
 Восточная полуночная!
 Высоко звѣзда восходила:
 Выше лѣсу, выше темнаго,
 Выше облака ходячаго.
 Становилася свѣтла звѣзда
 Противъ устьяца тихова Дону,
 Тутъ стоялъ ли Азовъ городъ.
 Во Азовѣ крѣпкомъ городѣ,
 За стѣною бѣлокаменной
 Тутъ стояла темная темница,
 Темная темница заключенная.
 Въ ней сидѣлъ душа невольничекъ,
 Невольничекъ Россійскій графъ,

Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.
 Онъ сидѣлъ въ ней ровно три года,
 Ровно три года и три мѣсяца.
 Отростилъ онъ свои русы кудри
 Что по самыя могучи плечи;
 Отростилъ свою бородушку
 Онъ по самый по шелковъ поясъ.
 Случилось мимо ѣхати
 Самому царю Турецкому,
 Что Султанъ Султановичу.
 Какъ воскрикнетъ громкимъ голосомъ
 Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ:
 «Ты Султанъ Султановичъ!
 «Прикажи меня поить, кормить,
 «Прикажи на волю выпустить.
 «Напишу я на Донъ грамотку,
 «Не перомъ я не чернилами,
 «А своими горячьми слезьми,—
 «Тогда тихій Донъ возволнуется,
 «Казачи съ Дону подымутся
 «И, тебя царя въ полонъ возьмутъ.»
 — Царю слово показалося:
 Приказалъ его поить, кормить,
 Приказалъ на волю выпустить.
 Какъ возговорить Турецкій царь:
 «Ужъ ты гой еси, Россійскій графъ,
 «Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ!
 «Послужи мнѣ вѣрой правдою,
 «Какъ служилъ ты Царю Бѣлому!»
 Какъ возговорить Россійскій графъ:
 — «Какъ бы была востра сабелька,
 «Послужилъ бы вѣрой правдою,
 «Надъ твоей бы шеей толстою,
 «Надъ твоей буйной головушкой!»
 — Царю слово показалося:
 Приказалъ его пожаловать,
 Что высокими хоромами,
 Хоромами не мшонами,
 Не мшонами, не вершонами;—
 Среди поля двумя столбиками

А третья перекладинка,
А четверта—шелкова петля.

(Зап. со словъ Д. Е. Молчанова, который въ молодости перенялъ эту пѣсню въ Москвѣ отъ старика солдата 134 лѣтъ.)

Усердіе и умъ русскаго боярина при взятій Азова.

У насъ было во Кремль во городъ,
У того у собора Успенскаго
Соѣзжались князья и бояра,
Всѣ оильные воеводы Московскіе.
Ужь какъ Царь говорить, какъ въ трубу трубить:
— «Охъ вы гой еси князья, бояре!
Какъ намъ, братцы, на приступъ идти,
Какъ намъ взять будетъ Азовъ городъ?
Азовъ городъ во крѣпѣ стоитъ,
Нельзя къ нему подойти, подѣхати.»—
Какъ тутъ-ли бояра испужались,
Большой за меньшаго хоронится,
А меньшихъ за большими давно не знать.
Ахъ что возговорить Михаилъ Скопинъ:
— «Охъ ты гой еси грозный Царь!
Благослови меня слово молвити,
Или цѣлу рѣчь выговорити:
Дѣлайте телѣжки бурматскія,
Убирайте ихъ кунами собольими,
Сукнами багредовыми и гвоздьми полужеными,
Сажайте въ телѣжки по пяти человекъ.
Я поѣду въ тотъ городъ могучій гость,
Я возьму тотъ городъ въ единый часъ.»—
Пріѣхали они ко синю морю,
Кричить онъ, вопить перевощиковъ:
— «Перевезите гостя могучаго,
Что во тотъ ли во Азовъ городъ!»—
Стали бурмистры и головы

Стали пошины спрашивати.
 Ахъ вы гой еси бурмистры и головы,
 Погодите вы до утрѣя,
 Я отдамъ по таксъ полную.
 Со полуночи до вечера могучій гость
 Черезъ сине море переправился,
 Осмотрѣлъ крѣпость Азовскую,
 И донесъ царю о возможности.

(Новѣйшій полный всеобщій пѣсенникъ и т. д. ч. 4. Москва 1822
 г. стр. 225. № 622.)

Грабъ Шереметевъ и французскій маіоръ.*

(Московск. губ., Коломна.)

Не грозная туча заходила,
 Выходила Шереметьева пѣхота;
 Что не свѣтлая молнія освѣтила,
 Освѣтила Шереметьева сабля острая;
 Не шибко-громко громъ ударилъ,
 А ударилъ Шереметьевъ изъ картечи.
 Эссаулы караулы скрали,
 Французскаго маіора во полонъ взяли;
 Повели того маіора ко фельдмаршалу
 Ко Борису Григорьевичу Шереметьеву.
 Сталъ того маіора Шереметьевъ спрашивати:
 «Ты скажи, скажи маіорикъ правду мнѣ;
 «Ужъ много ли въ васъ силы въ Оленбурхѣ?»
 — Въ Оленбурхѣ у насъ силы сорокъ тысячь,

* Слова: «французскій маіоръ», «французскаго маіора во полонъ взяли», «въ Оленбурхѣ», «съ самимъ Бонапартомъ» — нисколько не мѣшаютъ этой пѣснѣ служить дополнительнымъ вариантомъ къ тому небольшому отдѣлу Петровскихъ пѣсенъ, который въ 8-мъ выпускѣ собранія П. В. Кирѣевскаго озаглавленъ: «Шереметевъ и Шлишценбахъ. Маіоръ земли Шведской». Подобные анахронизмы не рѣдкость въ нашей, какъ и во всякой другой, народной поэзіи.

— А съ самимъ Бонапартомъ смѣты нѣтъ.—
 Какъ ударилъ Шереметевъ маіора въ щеку:
 «Что ты врешь, маіоръ, лукавишь,
 «А меня ли Шереметьева пугаешь?»

(Сообщ. А. Н. Островскимъ.)

Рыжковъ Генералъ.*

1.

(Новгородск. губ. Валдайск. уѣзд. с. Гоголево.)

Не влюбили молодца отецъ-то и мать,
 Ахъ! согнали меня удалаго долой со двора.
 Большая сестрица коня вывела,
 Средняя сестрица сѣдло вынесла,
 А меньшая сестрица мнѣ плетку подала,
 Подавши плеточку мнѣ словечко молвила:
 — Охъ! братецъ, братецъ ты нашъ ясенъ соколъ,
 Когда же это, ясенъ-то соколъ нашъ тебя, братецъ. дождаться
 домой?—

— Сестрица да ты родимая, горюша ты моя,
 Горевавши горюшко, вспомяни меня.
 Ахъ! выди ты моя сестрица на круту гору,
 Погляди родимая подъ ясну зарю,
 Погляди родимая по синему морю.
 Что по синему по морюшку частыя волны бьютъ,
 А у меня у добраго молодца пуще слезы льютъ.—
 По морю по морю все Верейскому
 Плыли, всплывали тридцать кораблей,
 Тридцать три кораблика Донскихъ все казаковъ,
 Донскихъ, Яицкихъ, Запорожскихъ.
 Напередъ корабличекъ какъ соколъ летить,

* Т. е. Рыжковъ: Ср. «Пѣсни собран. П. В. Кирѣевскимъ», вып. 8., стр. 148—
 153. По тождеству содержанія мы и слѣдующую пѣсню про атамана Нарыш-
 кина помѣщаемъ рядомъ какъ варіантъ.

На этомъ на корабликѣ плыль Рыжковъ енераль.
 Какъ Рыжковъ енераль ребятушкамъ разговариваль:
 — Гребите вы, ребятушки, не робѣйте!
 Своихъ бѣлыхъ рученекъ не жалѣйте!
 Что за намъ-то за добрымъ молодцамъ есть погоня,
 Догоняетъ насъ силушка западная,
 Западная силушка, воровская.—
 Просвистала пушечка вѣстовая,
 Пролетѣло ядрушко пудовое,
 Пудовое это ядрышко свинцовое.
 Охъ, никого насъ молодець да не крянуло,
 Только это нашъ корабличекъ потравило,
 Корабельную досочку проломило,
 А Рыжкова енеральчика задавило.

(Запис. мною отъ 74-лѣтней старухи.)

2.

(Новгородской губ. Кирил. уѣзда.)

Сговорилъ, промолвилъ Нарышкинъ атаманъ:
 — Ужь вы, братцы, вы братцы, товарищи мои,
 Донскіе казаки, да Запорожскіе,
 Садитесь-ка ребятушки въ легку лодку,
 Берите-тко братцы по весельцу,
 Гребите-тко братцы, погребайте,
 Своихъ бѣлыхъ рученекъ не жалѣйте;
 За Нарышкинымъ есть погоня,
 Погонюшка, силушка не малая.—
 Не малая силушка, воровская,
 Воровская силушка, западная.
 Не лютая змѣюшка въ полѣ зашипѣла;
 Зашипѣла пушечка боевая,
 Пролетѣла пулечка свинцовая;
 Ни кого въ кампаницѣ не убила,
 Убила въ кампаницѣ атамана;
 Убила его да не до смерти,
 Въ бѣломъ тѣлѣ душенька встрепескалась,

Ретиво сердечушко испугалось;
 Сговорилъ, промолвилъ Нарышкинъ атаманъ:
 — Ужь вы братцы, вы братцы, товарищи моя,
 Вы свезите мое тѣло къ синю морю,
 Вы обмойте мое тѣло водою,
 Вы тою водою да морскою.—

(Сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

Первые наборы.

1.

(Тверск. губ. Осташков. уѣзд. село Федорова-двора.)

При долинушкѣ при той, да при такой,
 Выросъ кустъ калиновый, кустъ калиновый.
 Что на томъ ли на кусту, да на кусточкѣ,
 Сидѣлъ соловьюшко размолоденькій.
 Не соловьюшко сидѣлъ, не молоденькій,
 А сидѣлъ-то, сидѣлъ удалъ добрый молодець.
 Не за батюшку сидѣлъ молодець, не за родну матушку,
 А сидѣлъ онъ за свою за сударушку.
 Сидѣвши онъ молодець слезно плакалъ,
 Слезно плакалъ, жалко приговаривалъ:
 — За кого я молодець сижу во неволюшкѣ,
 Во неволюшкѣ, во большой заботушкѣ,
 Что и кто же меня мододца вспоилъ, вскормилъ?
 Вспоилъ меня, вскормилъ православный міръ,
 Бѣло вымыла меня ключева вода,
 Всклыхала меня легкая лодочка,
 Возлелѣяла меня чужая сторонушка,
 Зачесала волоса частая гребеночка,
 Завила мои кудерюшки сударушка,
 Завивавши кудри приговаривала:
 «Кому-то эти кудерюшки достанутся?»
 — Доставались мои кудри Царю Бѣлому,
 Царю Бѣлому-Петру Первому.—

(Зап. въ 1858 г. гимназистомъ 7-го класса Тверской гимназіи Ф. Тю-
 кинимъ.)

2.

(Витебскъ.)

Какъ за рѣченькой за Волгою,
 Не камышь трава въ полѣ шатается—
 Зашатался душа добрый молодець;
 Онъ не самъ собой, не своей охотою,
 Онъ не охотушкой,—большой неволюшкой.
 Какъ неволюшка-наша жизнь боярская,
 Жизнь боярская, служба государская,
 Нашего Царя Бѣлаго, Петра Перваго.
 Петръ Первый же объявилъ солдащину,
 Молодыхъ ребятъ идуть во солдаты брать.
 У солдатушки намъ идти не хочется,
 А хоть и хочется,—назадъ не ворочаться,
 Хоть и вернемся,—къ сердцу не привернемся.

(Запис. мною въ 1870 г. отъ бывшей дворовой.)

3.

(Витебскъ.)

Заболѣла моя головушка,
 Всѣ моя буйная,
 Какъ заныло мое, охъ мое сердечушко,
 Мое ретивое,
 Какъ заслышало, охъ моё сердечушко,
 Оно про несчастье,—
 Какъ быть ли мнѣ, быть, доброму молодцу
 Быть мнѣ во солдатахъ,
 Какъ служить, мнѣ служить доброму молодцу,
 Царю государю.
 Какъ носить мнѣ, носить, доброму молодцу
 Сѣрые мундиры,
 Какъ стоять то мнѣ, стоять, доброму молодцу,
 У крѣпкомъ караулѣ.

Я уйду, я убѣгу охъ я, добрый молодець,
 Съ крѣпкова караула,
 Какъ пойду я, пойду, добрый молодець,
 Въ большую деревню,
 Подойду, подбѣгу ужъ я, добрый молодець,
 Къ батюшкѣ подь окошко.
 — «Ты вступи, ты вступи родной батюшка,
 Впусти обогрѣться.»—
 — «Не впущу тебя, любимое дитятко,
 Боюсь худой славы,
 Ты иди-тко, иди, любимое дитятко,
 Иди въ чистое поле;
 Ты стань, ты стань, любимое дитятко,
 Подь бѣлую березу,
 Что обогрѣетъ тебя, любимое мое дитятко,
 Все красно солнце,
 Что осушатъ тебя, любимое дитятко,
 Буйные вѣтры».
 Провались-тко ты, родимая матушка,
 Сквозь сыру земельку,
 Загорись-тко мой родимой батюшка
 Съ своимъ жилищемъ,
 Развивайтесь вы, желтыя кудерки,
 По буйной головкѣ.

4.

(Москва.)

Вились мои кудерушки, вились-развивались,
 Почуяли кудерушки на себя невзгду:
 Ужъ и быть мнѣ молодцу, быть мнѣ во солдатахъ;
 Ужъ служить мнѣ молодцу, стоять въ караулѣ...
 Пристоялись скоро тамъ мои быстрыя ноги.
 Задумалъ я, молодець, задумалъ бѣжати,
 И бѣжалъ я, молодець, не путѣмъ дорогой,
 Ужъ бѣжалъ я, молодець, чистыми полями,
 Что и чистыми полями, темными лѣсами.

Я во чистомъ полѣ весь-то измочился,
 Я во темномъ лѣсу весь-то искололся.
 Прибѣжалъ я, молодецъ, къ своему подворью,
 Постучалъ я, молодецъ, въ косячето окошко:
 «Ты впусти меня, сударь-батюшка, впусти осушиться?
 Ты впусти меня, родная матушка, впусти обогрѣться.»—
 И впустила-бъ я тебя, мое дитятко, да боюсь Государя.
 Ты поди, поди, мое дитятко, во чистое поле,
 Ужъ и тамъ тебя, мое дитятко, буйнымъ вѣтромъ высушить,
 Буйнымъ вѣтромъ высушить, краснымъ солнцемъ выгрѣть.»
 И пошелъ я, молодецъ, пошелъ и заплакалъ:
 «Ты возьмись, загорись батюшкино подворье,
 Ужъ ты згинь, пропади матушкино домовице.»—

(Запис. А. Н. Афанасьевымъ.)

5.

(Саратовской губ. Сердобск у. с. Паша.)

За рѣчкой за Невагой, за другой переправой,
 Ходилъ гулялъ добрый молодецъ,
 Онъ не одинъ-то гулялъ,-гулялъ съ боярыней,
 Рѣчи съ ней разговаривалъ.
 Я не самъ сюда зашелъ, не своей охотой,
 Занесла меня молодца сюда невольюшка,
 Еще то меня жизнь боярская,
 Жизнь боярская, служба царская.
 Не пыль-то въ полѣ запылилась,
 Не туманъ съ моря сподымался,
 Ковыль трава въ полѣ шаталась,
 Зашатался добрый молодецъ
 По чужой сторонущкѣ.

(Запис. А. А. Масюдовой.)

Сборы солдатъ, новаго войска.

(Тверь)

1.

Какъ во городѣ въ Перемышлѣ,
 Во селѣ было во Покровскомъ,
 Всѣ квартирушки порасписаны,
 Всѣ солдатушки поразставлены
 Полку Тульского Гренадерскаго,
 Гренадерскаго-роты первыя.
 Какъ охочи были солдатушки
 По ночамъ гулять съ красными дѣвушками,
 Съ красными дѣвушками со верейскими,
 Съ молодыми деревенскими,—
 Учинилось вдругъ несчастье,
 Ужь несчастье-то вдругъ великое,
 Какъ со вечера приказъ отданъ былъ,
 А съ полуночи ружья чистили,
 Къ бѣлу свѣту во' строю стоятъ.
 Капитанъ стоитъ передъ ротою,
 А маіоръ стоитъ посреди полку,
 А полковникъ подъ знаменами,
 Подъ знаменами съ музыкантами.
 Капитанъ кричить: на плечо ружье;
 А маіоръ кричить: по ремнямъ спускай;
 А полковникъ: во походъ ступай
 Въ землю Шведскую королевскую!—
 Изъ-за горъ было горъ высокихъ,
 Изъ-за лѣсяку лѣсу темнаго
 Не бѣла заря занималася,
 Отходила тутъ цѣла армія,
 Цѣла армія Царя Бѣлаго,
 Царя Бѣлаго — Петра Первова
 Напередъ идетъ молодой солдатъ...

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника).

2.

(Новгородск. губ. Кирillowск. уѣзда.)

Какъ за рѣченькой было за Невагою,
 За другой рѣчькой было Переправокъ,
 Не пыль трава въ полѣ шатается,
 Что шатается душа добрый молодецъ,
 Онъ не самъ зашелъ, не своей охотою,
 Занесло его все братцы неволею;
 Ему жизнь, братцы,—жизнь ему боярская;
 Ему служба-то, служба была царская.
 Служба Царя Бѣлаго-Петра Перваго.
 Царя благовѣрнаго сила въ походъ пошла.
 Въ землю холовецкую разореную.

(Сообщ. А. Н. Майковъ)

3.

(Новгородск. губ. Кирillowск. уѣзда.)

За рѣченькой Невой, за другой Переправой,
 Не полынь горькая травенька шатается,
 Зашаталася во полѣ да душа моя,
 Что за душенька душа добрый молодецъ.
 Я не самъ зашелъ, не своей охотою,
 Завела дружка молодца неволюшка,
 Что не волюшка чужая сторонка,
 Жизнь наша боярская, служба государская.
 Тяжела служба день до вечера:
 Что со вечера служба до полуночи,
 Съ полуноченьки часу до девятого,
 Со девятого мѣсяцъ выкатается,
 Часты звѣздочки съ неба сыплются,
 Разсыпалася сила наша армія,
 Не армія сила-конногвардія,

(Сообщ. А. Н. Майковъ.)

4.

(Московск.-губ. Коломна)

Изъ-за лѣса, лѣса темнаго
 Не бѣлая заря занимается,
 Не красное солнце выкатается, —
 Выкаталося знамя царское.
 А на значекѣ есть написано,
 Не про насъ-ли это, про молодчиковъ:
 Про молодчиковъ, про некрутиковъ. —
 Всѣ солдаты во походъ пошли,
 Напередъ идетъ молодой сержантъ.
 Онъ не пьянъ идетъ-самъ шатается,
 За ковыль траву заплетается,
 Горючими слезьми заливается;
 Со отцемъ съ матерью онъ прощается:
 «Прости батюшка, прощай матушка,
 «Съ молодой женой и прощенья нѣтъ.
 «Молода жена неуслужлива,
 «Она меня молодца мало слушала.»

(Сообщ. А. Н. Островскимъ)

5.

(Новгородск. губ. Вирловск. уѣзда.)

Тутъ то шли-прошли уланы молодые,
 За уланами шли матушки родныя.
 Онъ идутъ, онъ идутъ, слезно плачутъ,
 Во слезахъ пути дороженьки не видятъ,
 Во рыданьицѣ словечка не промолвятъ.
 Какъ промолвили уланы молодые:
 — Вы не плачьте, наши матушки родныя:
 Не смочить пути-дороженьки слезами,
 Не наполнить синя моря горючими,
 Горючими ли слезами плакучими.» —
 Что не ласточка съ тепла гнѣзда слетаетъ,

Молодой уланъ съ квартиры соѣзжаетъ,
 Не отецъ-мать улана провожаетъ,
 Провожаетъ улана-то дѣвица,
 По названію уланова сестрица,
 Она ѣдетъ, она ѣдетъ, слезно плачетъ,
 Во слезахъ она словечушко промолвить:
 — «Какъ бы мнѣ ли то дѣвицѣ прежняя воля,
 Прежняя волюшка, сизыя крылья,
 Что по крылушкамъ мелкое перо;
 Развернулась бы я дѣвушка, улетѣла,
 Гдѣ завидѣла милова, тутъ бы сѣла,
 Тутъ бы сѣла, да посидѣла.—
 Я завидѣла милова въ синемъ морѣ,
 Въ синемъ морѣ на гарьетѣ,
 На гарьетѣ въ первой ротѣ,
 Въ первой ротѣ въ восьмой сотнѣ.

(Сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

6.

(Псковск. губ. и уѣзд.)

Изъ-за лѣсу лѣсу темнаго,
 Изъ-за горъ было горъ высокиихъ
 Выходила-выступала сила армія,
 Сила армія гусаръ Царя Бѣлаго,
 Царя Бѣлаго-Петра Перваго.
 Напереду идутъ гусары со знаменами,
 Позади идутъ гусары съ барабанами,
 Во второмъ полку бригады уронъ сдѣлался:
 Во гусарахъ генераль померъ.
 Бьютъ гусары въ барабаны по заунывному,
 А всѣ указы прочитали по печальному,
 Генеральскаго конечка въ поводу ведутъ,
 Самаго генерала на головахъ несутъ.
 —Вы несите мое тѣло черезъ три поля,
 Черезъ три поля на синее море

Омойте мое тѣло морскою водою,
 Хороните мое тѣло между трехъ дорогъ:
 Между Кіевской, Валдайской, славной Питерской,
 Вы засыпьте меня желтымъ пескомъ.

(Сообщ. М. И. Семеvскимъ)

7.

(Самарск. губ.)

Выходили, выступали тридцать три полка,
 Тридцать три полка гусарь-солдатъ арміи.
 Напередъ идуть гусары, въ барабаны бьютъ,
 Въ барабаны-то пробилы по веселому,
 Всѣ указы прочитали по печальному,
 Пѣсенки то пропѣли по унывному.
 Во второмъ полку гусарь уронъ сдѣлался,
 Уронъ сдѣлался—генераль померъ...

.....*

Самаго-то генерала на головахъ несутъ.
 Вы несите-ка, гусарушки, черезъ чисто поле,
 Черезъ чисто поле ко синю морю,
 Къ морю синему Хвалынскому.
 Ужь мойте-ка, гусарушки, тѣло бѣлое генеральское
 Исповѣданное и причащенное,
 Ужь вы дѣлайте, гусарушки, кипарисный гробъ,
 Вы несите-ка, гусарушки, на круту гору на Сіонскую;
 Ужь вы ройте-ка, гусарушки, могилушку,
 Могилушку двухъ аршинную печатную,
 Вы спускайте-ка въ эту могилушку тѣло бѣлое генераль-
 ское;
 Зарывайте-ка, гусарушки, могилушку сырой землей.

(Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.)

* Тутъ явно пропущенъ стихъ:

«Генеральскаго конечка въ новоду ведутъ»

8.

(Тульск. губ. и уѣзда. с. Лотовиново.)

Не бѣлая заря занималася

Гусары!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.)

Не красное солнышко выкаталося,
 Тутъ выходила, выступала сила воинская,
 Тридцать три полка Царя Бѣлаго,
 Царя Бѣлаго,-Петра Перваго.
 Напередъ идуть, въ барабаны бьютъ.
 Въ барабанушки пробили по веселому,
 Указушки прочитали по печальному:
 Во второмъ полку уронъ сдѣлался,
 Уронъ сдѣлался, генералъ померъ,
 Генеральскаго конечка въ поводу ведутъ,
 Самаго генерала на головахъ несутъ.
 Самое инеральшу шестерней везутъ,
 —Вы везите, мои конечки. черезъ три поля,
 Черезъ три поля, на синее море. —

(Завис. мною въ 1864 годъ отъ дворовой женщины гѣтъ подъ 40-кѣ.)

9.

(Рязанск. губ. Данковск. у. дер. Красная Слободка.)

Сила войская солдатушки Царя Бѣлаго,
 Царя Бѣлаго Николая Перваго,
 Напередъ идуть его солдатушки со знаменами,
 Позади идуть солдатушки съ барабанами.
 Барабаньщики пробили по веселому,
 Указушки прочитали по печальному,
 Во второмъ полку, солдатушки, уронъ сдѣлался,
 Уронъ сдѣлался, генералъ померъ.
 Енеральскаго конечка въ поводу ведутъ;
 Самаго-то енерала на головахъ несутъ.
 Съ горяча-то енералушка слово взговорилъ:
 — Вы несите меня, солдатушки, на сине море,

На синее море на Хвалынское,
 Омойте мое тѣло бѣлое морской водой,
 Кладите мое тѣло въ дубовый гробъ,
 Покройте мое тѣло золотой парчей,
 Вы несите мое тѣло на крутыя горы Сіонскія.

(Запис. мною въ 1870 г. отъ крестьянки.)

Опытъ своденъ четырехъ послѣднихъ разночтеній.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнова,
 Изъ-за горъ было горъ высокихъ
 Не бѣлая заря занималася,
 Не красное солнышко выкаталося,
 Выходила, выступала сила войская,
 Тридцать 'три полка Царя Бѣлаго,
 Царя Бѣлаго, Петра Перваго.
 Напередъ идутъ гусары со знаменами,
 Позади идутъ гусары съ барабанами.
 Въ барабанушки пробили по веселому,
 Указушки прочитали по печальному:
 Во второмъ полку бригады уронъ сдѣлаеся,
 Во гусарахъ енераль померъ.
 Енеральскаго конечка въ поводу ведутъ,
 Самаго-то енерала на головахъ несутъ.
 Сгоряча-то енералушка слово взговорилъ:
 Вы несите-ка (солдатушки) мое тѣло черезъ три поля,
 Черезъ три поля ко синю морю,
 Къ морю синему Хвалынскому.
 Ужь вы омойте-ка, гусарушки, тѣло бѣло генеральское,
 Исповѣданное и причащенное,
 Ужь вы дѣлайте, гусарушки, кипарисный гробъ;
 Вы несите-ка мое тѣло на круту гору Сіонскую,
 Покройте мое тѣло золотой парчей,
 Хороните мое тѣло между трехъ дорогъ,
 Между Кіевской, Валдайской, славной Питерской,
 Вы ройте-ка, гусарушки, могилушку,
 Могилушку двухъаршинную печатную,

Вы спускайте въ эту могилушку тѣло бѣло генеральское,
Зарывайте-ка, гусарушки, могилушку сырой землей,
Вы засыпьте мое тѣло желтымъ пескомъ.

(Собиратель.)

Шведскій походъ.

1.

(Саратовск. губ. Хвалынск. у.)

Говорилъ то мнѣ милъ, приказываю, *
Я приказу его мало слушала,
Я съ инымъ-то дружкой то повадилась,
Я со прежнимъ разбранилась.—
Разбранивши она стала плакати,
Во слезахъ то дружку слово молвила:
Погляди-ка милъ въ окошечко, —
Во хрустальное стеколышко.
Какъ у насъ на дворѣ не туманъ, туманъ,

* Считаю вполне умѣстнымъ привести здѣсь подходящій сюда вариантъ изъ первой части моего сборника Русскихъ народныхъ пѣсень (Чтенія 1869 г., кн. I, стр. 302)

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣтъ зазнобушка, 2
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки.
Зазнобилъ сердце дѣтнушка,
Что дѣтнушка Дворянскій сынъ;
Зазнобя сердце въ походъ пошелъ,
Въ походъ пошелъ, въ нныя земли,
Въ нныя земли, въ Турецкія,
Изъ Турецкихъ въ Шведскія.
Ужъ я тутъ съ другомъ прощалася,
Вся Москва-ца-рство сдвигавалася:
Что не братъ съ сестрой прощается,
Что не мужъ съ женой разстается,
А полюбвникъ съ полюбвицей.
(Зап. мною отъ дворовой въ 1864 въ селѣ Лотовиновѣ—
въ 10-ти верстахъ отъ Тулы.)

Не одинъ то туманъ со дождичкомъ:
 На синемъ-то морѣ есть погодушка,
 У молодушки есть зазнобушка.
 Зазнобилъ-то сердце младъ дѣтинушка,
 Зазнобимши во походъ пошелъ,
 Что во тоѣ землю во Шведскую,
 Изъ-за Шведской земли во Турецкую,
 Изъ Турецкой земли въ каменну Москву;
 Въ каменной Москвѣ разставалися,
 Ужь и вся Москва сдивовалася:
 Ужь и что это за сходнечки,
 Или братъ съ сестрой, или мужъ съ женой,
 Или красна дѣвка съ молодцомъ.

(Запис. мною.)

Про походъ въ Турцію.

1.

(Московск. губ. Коломна.)

Не черные вороночки въ поле вылетывали,
 Вылетывали ядрушки турецкія
 Къ тому ли предводителю князю Голицыну.
 Тогда князь Голицынъ весьма приужахнулся.
 Закричалъ князь Голицынъ своимъ громкимъ голосомъ:
 — Господа вы генералы, молодые полковники,
 Вы подите, побѣдите силу неприятную. —
 — Господа-генералы всѣ отказалися;
 Только изъ нихъ выбрался Долгоруковъ князь.
 Получилъ онъ себѣ ранушку нелегкую,
 Онъ отъ той отъ раны лежалъ девять дней,
 На десятый денечекъ князь преставился.
 Что встужалася, взгорѣвалася по немъ вся дивизія,—
 — Что не стало у насъ, братцы, вѣрнаго старателя,
 Вѣрнаго старателя, князя Долгорукова. —

(Сообщ. А. Н. Островскимъ.)

2.

(Симбирск. губ. Бунск. уѣзда, села Усть-Урень).

Ужь не черныя вороночки въ полѣ зачернѣлись,
 Зачернѣлась въ полѣ пашенька яровая:
 Да не сохами эту пашеньку распахали,
 Не боронами эту пашеньку заборновали,
 Не вхожими сѣменами эту пашеньку засѣвали;
 Распахали эту пашеньку Турецкими лошадями,
 Заборновали эту пашеньку Нѣмецкими подковами,
 Засѣвали эту пашеньку крестьянскими головами.

3.

(Той же губ. Бунск. у. д. Козловка.)

Ужь не черныя вороночки въ полѣ зачернѣлись,
 Зачернѣлась пашенька въ полѣ яровая;
 Не плугами распахали, не сохами.—
 Распахана же пашенька Турецкими лошадями,
 Заборонена пашенька Нѣмецкими подковами,
 Засѣяна не всхожими сѣменами,
 А сиротскими нашими головами;
 Поливана эта пашенька не росюю,
 А поливана христіанскою кровію.
 Тутъ шель-прошелъ Урзы-Мурзы бѣлобородый:
 «Богъ помочь вамъ, старшой, большой державецъ!..»

(Обѣ записаны мною: первая отъ ратника Картавенкова,—
 вторая отъ крестьянина Щербакова.)

Князь Гагаринъ.

1.

(Воронежск. губ.)

Какъ по рѣчкѣ по рѣкѣ
 По Фонтанкѣ, по Невѣ
 Плыли съ мачтой корабли.
 Какъ на каждомъ кораблѣ

По пяти сотъ молодцовъ.
 Сами гребцы гребутъ,
 Весело пѣсни поютъ,
 Разговоры разны говорятъ,
 Все Гагарина бранятъ:
 — Ахъ р.....нъ сынъ, воръ князь Гагаринъ

.....

Солдаты съ голоду морила;
 Въ сутки по двѣ денежки давалъ,
 И тѣ назадъ отбиралъ.
 Какъ на эвти онъ на деньги
 Построилъ себѣ въ Москвѣ домъ,
 За большимъ мучнымъ рядомъ.
 Всѣ на вырѣзи окошки
 И хрустальный потолокъ.
 Какъ на томъ же потолку
 Москворѣцкая вода была,
 По фонтану взведена,
 Жива рыба пущена,
 Кровать нова смощена.
 Какъ на этой на кровати
 Самъ Гагаринъ князь лежитъ,
 Таки рѣчи говорить:
 Кабы Богъ меня привелъ
 Во Сибири побывать,
 Я построилъ бы полаты,
 Да не эвтакія,
 А получше бы, почище
 Государева дворца.
 Нешто тѣмъ будетъ похуже,
 Что золотыхъ гербовъ нѣтъ.
 Какъ услышалъ Императоръ
 Онъ похвалушку его,
 Онъ при всемъ ему народѣ,
 Пятьдесятъ ударовъ далъ ему кнутомъ,
 А жену его каналью
 На воротахъ разстрѣлялъ,
 А дѣтей его младыхъ
 Во солдаты записалъ.

(Зап. А. Н. Афанасьевымъ.)

2.

(Тульск. губ. Крапивн. уѣзда с. Даниловки.)

Тутъ и шли-прошли солдаты,
Все хваленые полки.
Они хвалятъ-выхваляютъ
Своего Блага Царя,
И ругаютъ и бранятъ
Все Гагарина съ дѣтьми.
Какъ Гагаринъ енераль
Много жалованья съѣдалъ.
Первое—винное,
Другое — хлѣбное,
Третье — денежна казна.
Онъ на эти на деньги
Палаты себѣ склалъ.
По вырѣзу окошки,
Изъ хрустала потолоки.
По этимъ потолокамъ
Москва рѣчка взведена,
Бѣла рыба пущена,
Кровать нова смощена.
На той ли на кровати
Самъ Гагаринъ лежалъ.

(Зап. г. Шумлянннмъ.)

3.

(Витебск. губ. Мепельск. уѣзда.)

Снизу лодочка плыветь,
За собой много ведеть,
Ровно триста кораблей.
Во-въ тыхъ же корабляхъ
По полтораста людей.
Они гребутъ, пригребаютъ,
Промежъ себя говорятъ,
Все Россейщика бранятъ:

Ты Россейщикъ
 За столомъ сидишь одинъ,
 Пропиваешь, проѣдаешь
 Наше жадованье,
 Все ярное, продовое,
 Все денежное.

(Зап. мною въ 1859 г.)

Ладожскій баналь.

(Тверь.)

По утру-то было рано ранымъ рано,
 На зарѣ-то было на утренней,
 На восходѣ краснова солнышка,
 Что не гуси, братцы, и не лебеди
 Со лузей, озеръ подымалися,
 Подымалися добры молодцы,
 Добры молодцы, люди вольные,
 Все бурлаки понизовые,
 На канавушку на Ладожскую
 На работу государеву.
 Провожаютъ ихъ, добрыхъ молодецвъ,
 Отцы, матери, молоды жены
 И со малыми со дѣтками.

(Изъ стариннаго рукописнаго семинарскаго сборника.)

Молодой матросъ корабли снастиль.

Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ,
 На Васильевскомъ славномъ островѣ,
 Какъ на пристани корабельная,
 Молодой матросъ корабли снастиль,
 О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,

Тонкихъ бѣлыхъ полотняныхъ.
 Что изъ висока нова терема,
 Изъ косящетова окошечка,
 Изъ хрустальныя изъ оконечки,
 Усмотрѣла тутъ красна дѣвица,
 Красна дѣвица, дочь отецкая,
 Усмотрѣла, вышла на берегъ,
 На Неву рѣку воду черпати;
 Почерпнувъ, ведры поставила,
 Что поставивши слово молвила:
 «Ахъ ты, душечка, молодой матросъ,
 «Ты за чѣмъ рацо корабли снастишь,
 «О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
 «Тонкихъ, бѣлыхъ полотняныхъ.»
 Какъ отвѣтъ держитъ добрый молодецъ,
 Добрый молодецъ, молодой матросъ:
 — Ахъ ты гой еси красна дѣвица,
 — Красна дѣвица, дочь отецкая,
 — Не своей волей корабли снащу,
 — По указу ли государеву,
 — По приказу адмиральскому.—
 Подняла ведры красна дѣвица,
 Поднявши сама ко двору пошла.
 Изъ-подъ камня-изъ-подъ бѣдова,
 Изъ-подъ кустика ракитова,
 Не огонь горитъ, не смола кипитъ,
 Что кипитъ сердце молодецкое,
 Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,
 Не по братцѣ, не родной сестрѣ,
 Но по душечкѣ красной дѣвушкѣ.
 Перепала ли ему вѣсточка, —
 Красна дѣвица немощна лежитъ,
 Послѣ вѣсточки, скоро грамотка,
 Красна дѣвица переставилась.
 Я пойду теперъ на конюшій дворъ,
 Я возьму коня что не лучшева,
 Что не лучшева, самодобова;
 Я поѣду ли ко Божьей церкви,
 Привяжу коня къ колоколенкѣ,
 Самъ ударюсь объ сыру землю:

(Периск. губ. Камышл. у.)

Какъ Васька Брашновъ да со товарищемъ,
 Со Ѳедоромъ да со Бурмакинымъ
 Подавали просьбу-челобитную
 На Сибирскаго разорителя
 На Тобольскаго губернатора
 На вора на Гагарина.
 Приходятъ тѣ челобитчики
 Къ самому-то Царю на имя,
 Ко Петру да ко Первому.
 У параднаго крыдечушка
 На часахъ стоитъ да молодой солдатъ,
 Молодой солдатъ да ухо царское,
 Онъ доноситъ Царю о челобитчикахъ,
 О Васькѣ Брашиѣ да со товарищемъ,
 Со Ѳедоромъ да со Бурмакинымъ.
 Приказалъ ихъ Царь посадить въ земляну тюрьму.
 Тутъ они да испужалися,
 Рѣзвы ножки да заподсѣкалися,
 Бѣлы рученьки заопущалися.
 Посылаетъ Царь да скорыхъ пословъ,
 Курьерчика да не милостива,
 По вора да по Гагарина.
 Призываетъ тотъ да курьеричекъ
 Ко Гагарину да губернатору.
 А у него-то вора стѣны мраморны,
 Стѣны мраморны, полы узорчаты.
 Подаетъ ему курьеричекъ указы царскіе.
 Принимаетъ тѣ указы самъ Гагаринъ-воръ,
 Подаетъ онъ читать милой дочери,
 Ульянѣ да Матвѣевнѣ.
 Почитай-ка, моя дочушка,
 Да не утай ты слова Царскаго!
 Начала она читать, сама заплакала....
 Охъ, тятинька мой отецъ родной!
 Зоветь тебя Царь да на великъ отвѣтъ.....
 «Не плачь ты моя милая дочь,
 «Возстанеть за меня благовѣрный Царь,

«Возстанеть за меня государыня,
 «Возстанеть Синодъ праведный....»
 Привозятъ Гагарина ко Царю на имя.
 Возстають за Гагарина всѣ заступнички, замольшнички.
 Милый внучекъ Царя благовѣрнаго
 Ходить по середѣ, въ слезахъ очи ясныя....
 «За вора-то за Гагарина
 «Есть заступнички, есть замольшнички,
 «А за моего-то милаго батюшка
 «За Алексѣя-то да за Петровича,
 «Не было ни какого заступничка....»
 А на это Царь да возгнѣвался, —
 Внучка пожалѣлъ, — велѣлъ Гагарину
 Положить на плаху голову.

(Объ зап. Членомъ-сотрудникомъ Русск. Геогр. Общества А. Я.)
 Кокосовымъ, сообщ. же Л. Н. Майковымъ.)

Погребеніе императора Петра II.

(Хотя въ пѣснѣ этой, и упоминается имя Императора Павла,
 но указанныя въ пѣснѣ время кончины — зима, и мѣсто этого
 событія—Москва—заставляютъ думать, что пѣсня сложена была
 на смерть Петра II, а въ послѣдствіи имя Петра Алексѣевича замѣ-
 нено именемъ Павла Петровича.)

(Казанской губерніи.)

Со вечера порошица мелкая порошила,
 Ко полуночи бѣлые снѣжки выпадали,
 Ко бѣлой зарѣ дорожничка торная пролегала.
 И знать-то у насъ въ каменной Москвѣ не здорово:
 Бѣлокаменны царскія палатушки стоятъ растворены,
 Призакрыты всѣ его красныя окошечки черною фатою,
 И што знать-то у насъ Царя Бѣлова въ живи нѣту.

Переставился нашъ батюшко, Бѣлъ Царь, Бѣлъ Павелъ Петровичъ.

Построили ему Царю Бѣлому труну золотую,
 Во труну то стелютъ материцы, стелютъ дорогія,
 Тутъ кладутъ-то Царя Бѣлова, кладутъ во гробницу,
 Тутъ несутъ-то, несутъ Царя Бѣлова, несутъ хоронити.
 Напередъ-то идутъ Царя Бѣлова, идутъ архиереи,
 И несутъ-то Царя Бѣлова скипетръ и державу;
 По правую руку идутъ сенаторы,
 По лѣвую руку идетъ царская персона,
 Позади-то идутъ Царя Бѣлова всѣ полки, солдаты,
 И сами они солдатухи слезно плачутъ:
 Не стало у насъ въ Егропѣ * Царя Бѣлова.

(Запис. А. Г. Пупаревымъ въ 1860 г.)

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Война Шведская.

1.

Пишетъ, пишетъ король Шведскій государынѣ письмо:
 «Ты Россійская государыня, помирися ты со мной,
 «Помирися ты со мной, съ Шведскимъ королемъ.
 «Ты отдай мнѣ города, отдай прежніе мои,
 «Отдай Питерьъ, отдай Ригу, отдай славный Коронштатъ.
 «А не отдашь мнѣ эти городочки—не прогнѣвайся на меня,
 «Я и самъ на тебя пойду, въ каменну Москву взойду.
 «Распиши въ Москвѣ фатеры по всѣмъ разнымъ мѣстамъ,
 «Моимъ милымъ начальникамъ — по господскимъ домамъ,
 «Моимъ милымъ солдатухамъ — по купеческимъ домамъ.»
 Наша матушка государыня испугалася,
 Ея рѣзвы-скоры ноженьки подломилися,
 Ея бѣдыя рученьки опустилися.

* На требованіе разъяснить, что такое Егропа, мы получили въ отвѣтъ, что такъ Россія называется.

«Ты не бойся, ты не бойся, матушка государыня!
 «У насъ есть чѣмъ его встрѣтити, есть чѣмъ подчивать:
 «Есть у насъ сухари — они въ Тулѣ крошены,
 «Они въ Тулѣ крошены, въ Москвѣ высушены»

Сообщ. А. Н. Островскимъ.

2.

(Казанской губ. дер. Черкасово близъ Царевкокшайска.)

Пишоть, пишоть король светской къ осударынѣ въ сеноть,
 Онъ на вербовой бумаги лебединовымъ перомъ:
 «Ты, русейска осударыня, замирилась бы со мной,
 Отдай Питеръ, отдай Ригу, отдай славень городъ Корноштатъ:
 Не отдашь ты эти города, не прогнѣвайся на меня,
 И што самъ я, король светской, всю Русеюшку насквозь пройду,
 Всю Русеюшку пройду, въ каменну Москву зайду.
 Вотъ я въ Астрахань взойду позавтракать, а въ Москву — по
 обѣдать,
 Въ Москву пообѣдать, въ Питенбургъ буду ночевать.
 Я разставлю свою армію по трактирамъ только, кабакамъ,
 Ужь я членшичковъ, барабаншичковъ по осподскимъ только по
 домамъ;
 Ужь я встану, король светской, въ Шелеметьевскомъ только во
 дому.»
 И што наша осударыня задрожжала на ногахъ,
 Бѣлотѣльныя же, бѣлыя ноженки задрожали подъ ей,
 Бѣлотѣльныя же ее, бѣлы ручиньки опустились внизъ по ей,
 А буйная жо ее головушка долой катится съ ее.
 Енераль Шелеметьевъ ей на думу приходилъ:
 — «Не убойся осударыня, не убойся ты враговъ.
 «Если будутъ къ намъ гости, будемъ подчивать гостей.
 «Испечены пироги, чернымъ лакомъ чинены,
 «Они въ Тулѣ крошены, въ Москвѣ — высушены.
 «Есть у насъ закусочка—у солдатовъ на штыкъ,
 «Есть у насъ похлебочка—у солдатовъ на бедръ.»

(Записана А. Г. Пупаревымъ въ 1860 г.)

Взятіе Хотина

(Тверь.)

Ахъ, мы Польшею идемъ,
 Сами пѣсенки поемъ;
 Подходили подъ Хотинъ,
 Промежь собой говоримъ:
 — «Ужь ты городъ нашъ Хотинъ!
 «Мы стоять въ тебѣ хотимъ.»
 Цѣлой мѣсяць простояли,
 Все приказу ожидали.
 Какъ до вечера за часъ
 Отдавали намъ приказъ;
 Прозоровской генераль
 По корпусу развѣзжалъ,
 Какъ ясенъ соколъ
 Всѣмъ приказы отдавалъ:
 — «Ахъ вы егери, стрѣльцы!
 «Бомбардиры молодцы!
 «Вы стрѣляйте, неробейте,
 «Пуль, пороку не жалѣйте?»
 Ужь какъ начали стрѣлять —
 Турки прочь отъ насъ бѣжать;
 Бомбардиры осерчали,
 Всѣ въ погоню побѣжали;
 Гдѣ одинъ солдатъ бѣжить —
 Тутъ пять-шесть Турокъ лежить.
 А гдѣ корпусъ то бѣжить —
 Тутъ какъ мостъ Турокъ лежить;
 Турки гласно закричали,
 Отъ Хотина прочь бѣжали.
 — Оставайся нашъ Хотинъ,
 Мы стоять въ тебѣ не станемъ,
 Какъ пришла на умъ Москва —
 Одолѣла насъ тоска. —

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника.)

Война Пруская.

(Новгородск. губ. Валдайскаго уѣзда.)

Ты любовь наша любовь,
 Любовь дѣвушкина,
 Ты когда наша любовь,
 Побываешь у меня.
 Развѣ въ тѣ поры молодчикъ
 Я побуду у тебя,
 Когда выростетъ трава
 Средь широкаго двора,
 Поразольется вода
 Съ крутымъ бережкомъ ровна,
 Восплыветъ горючъ камень
 По верху по воды. —
 Вы бояры-господа
 Посидите у меня, —
 Споемъ пѣсню про себя,
 Хоть не сами про себя —
 А про Прускаго короля.
 У Прускаго короля
 Чужа сила не своя,
 Уворованная, невоеванная.
 Собиралися солдаты
 На зеленѣнскій лужекъ.
 Они бились и рубились
 Тутъ четырнадцать часовъ,
 А на пятнадцатомъ часочку
 Мертвыхъ стали разбирать,
 По камзоламъ узнавать,
 Какъ нашли нашихъ убитыхъ
 Генераловъ до пяти,
 Полковниковъ до семи
 Гренадеровъ до десяти. —

(Зап. мною отъ 74 лѣтн. старухи крестьянки Арины.)

Лопухинъ.

1.

(Рязанск. губ. и уѣзда, с. Жалчино).

У Прудкаго короля
 Чужа сила не своя,
 А все Благо Царя
 Завоеванная, заповоленная.
 При долинь, при лужку,
 Стоитъ армія въ кружку.
 Лопухинъ гулялъ въ полку,
 Курилъ трубку табаку.
 Для того-то онъ курилъ,
 Чтобы пьяному быть,
 Посмѣлѣе подступить,
 Посмѣлѣе, поскорѣ
 Чисто поле полевать,
 Съ поляками воевать.
 Ужь мы били, мы рубили
 Мы четырнадцать часовъ,
 На пятнадцатомъ часу
 Стали силу разбирать,
 Всю армію смекать.
 Мы смекнули, домекнули,
 Оглянулись назадъ:
 Лопухинъ лежитъ, убитъ,
 На ноженъкахъ не стоитъ.

(Зап. И. А. Худяковымъ.)

2.

(Самарской губ.)

Ты разлука, ты разлука,
 Разлучила ты разлука
 Со отцомъ матерью;

Меня еще разлучила
 Со милымъ дружкой.
 Вы кусты-ль мои кусточки,
 Вы раkitовы кусты,
 Вы скажите-ка кусточки
 Всеё правду про дружка;
 Гдѣ-жь мой миленькій гуляетъ,
 Гдѣ надежда пребываетъ.
 Мой миленькій гуляетъ,
 Во матушкѣ во Москвѣ, 2.
 Со французомъ на войнѣ.
 Милый письмецы не пишетъ,
 И поклоны мнѣ не шлетъ,
 Онъ меня къ себѣ желаетъ.
 Онъ по городу гуляетъ, 2.
 Коней пару нанимаетъ,
 Колясочку запрягаетъ.
 На ту пору, подъ тотъ часъ.
 Несчастье случилось:
 Баталицо сдѣлалось.
 Ужь мы билися, рубилися:
 Пятнадцать часовъ,
 Ужь въ шестнадцатомъ часу
 Мiroва у нихъ пошла,
 Стали тѣла разбирать.
 Нашли нашихъ убитыхъ
 Ровно двѣсти человекъ.
 Еще пошли, отыскали:
 Лопухинъ лежитъ убитъ,
 Душа въ тѣлѣ говоритъ:
 Вы подайте ребята
 Чернилницу съ перомъ,
 Еще ребята вы подайте
 Листъ бумаги гербовой,—
 Напишу я къ государю
 Всеё правду про себя.

(Зап. ученикомъ уѣзднаго училища.)

(Сообщ. А. Н. Потанинымъ.)

3.

Соловейко маленькой,
 Соловей молоденькой
 Ты куда, куда летишь? 2
 Куда Богъ тебя несетъ? 2
 Я лечу, лечу, лечу 2.
 Во ракиковы кусты.
 Кабы кустичекъ немилъ, 2.
 Соловей гнѣздо не вилъ,
 Кабы дѣвка не мила 2.
 Парень не взялъ за себя,
 Цѣловалъ бы, любовалъ, 2.
 Колечикомъ даровалъ
 Серебряно колечушко;
 Больно болить сердечушко 2.
 Золотой-отъ перстенекъ,
 Сушилъ дѣвку паренекъ,
 Еще на лугу-лугу 2.
 Стоитъ армія въ кругу,
 Лопухинъ ходилъ въ кругу, 2.
 Лопухинъ ходилъ въ кругу,
 Курилъ трубку табаку. 2.
 Дѣвченушка съ комара
 Во солдатской кругъ зашла,
 Всѣмъ пазовушку дала.

(Новгородск. губ. Кярля. у.)

Что не цырь въ полѣ вылить,
 Не дубровушка шумить —
 Сила арміи валить.
 Она валить-таки валить
 Все приваливаетъ 2. ¹

¹ Подваливаетъ.

Да выговариваетъ:
 Хороши наши ребята ²
 Удалые молодцы, 2.
 Наши во полку стрѣльцы:
 Они рубятъ и сѣкутъ,
 Со жива ³ кожу дерутъ,
 Себѣ ранцы шьютъ.
 Себѣ ранцы испошили,
 Во походъ скоро пошли 2.
 Во инья во земля,
 Во инья, во такія во Турецкія,
 Изъ Турецкой земли во Швецкую,
 Изъ Швецкой же во Нѣмецкую,
 Изъ Нѣмецкой во Французскую,
 Изъ Французской въ землю Прусскую. ⁴
 Какъ у Прусскаго короля
 Чужа сила не своя,
 Полоненая моя,
 Завоеванная.
 Мы и сѣкли и рубили
 День одиннадцать часовъ, ⁵
 На двѣнадцатый часъ
 Стали тѣла разбирать.
 Свою армію считать.
 Какъ нашли такихъ тѣловъ
 Генераличковъ трехъ,
 Полковниковъ до пяти,
 Офицеровъ до девяти,
 Кавалеровъ до десяти,
 Чуть застали душу въ тѣлѣ —
 Лопухинъ лежитъ убитъ, 2.

² Какъ армейцы то ребята

³ Со живыхъ.

⁴ Изъ Французской въ землю Русскую

Какъ у Русскаго Царя

Своя сила, не чужа

Полоненая была.

⁵ Они бились и рубились

До одиннадцати часовъ,

Едва рѣчи говоритъ:
 Вы подайте листъ бумаги,
 Чернильницу со перомъ.
 Напишу я эту просьбу *
 Государынѣ въ Синодъ, ** 2.
 Марьѣ Федоровнѣ.
 — «Эта сила Бѣлаго Царя.»
 нашъ
 По арміи развѣзжалъ,
 Пушки-ружья снаряжалъ,
 Пушки-ружья мѣдныя,
 Шонпура желѣзныя.

(Сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

Король Прусскій.

1.

(Самбирск. губ. Корсувск. уѣзда.)

Не кручинушка меня молодца сокрушила;
 Сокрушила меня молодца красна дѣвонька,
 Прежня бывшая моя сударушка.
 Провожала она меня до сыраго бору,
 Все наказывала она мнѣ тайное словечко:
 — «Ты поѣдешь, мой любезный другъ, сырымъ боромъ,
 «Не услышишь-ли, мой милый другъ, вольную пташку,
 «Вольную пташку, горькую кукушку?»
 Не кукуй ты, не кукуй, горькая кукушка,
 Не кукуй во сыромъ борочкѣ!
 Не давай-ка намъ, кукушенька, тоски на-золы,
 Безъ того намъ солдатушкамъ больно-тошно:
 (Учьба и стрѣльба намъ скоро не дается.)

* Напишу это письмо.

Къ Государынѣ въ село,

** т. е. въ Сенатъ.

Какъ загналь-то насъ Пруцкѡй король во иную землю,
 И не шлетъ Пруцкѡй король пищи никакѡй;
 Хоть и шлетъ Пруцкѡй король,—къ намъ пища не доходить;
 А прислалъ-то къ намъ Пруцкѡй король вѣсточку,
 Бѣлую грамотку за черною печатью:
 Какъ пришла-то къ намъ молодцамъ мука-то кулевая,
 А мука-то добрымъ молодцамъ очень надокучала.

(Зап. отъ крест. Кузмы Ослова).

2.

(Симбирск. губ. Кореунск. уѣзд. с. Усть-Урень).

Разбесчашенькѡй, безталаненькѡй король Прусскѡй,
 На добрымъ конѣ въ глухую полночь разѣѣзжаетъ,
 Въ глухую полночь къ ему курьерушка прибѣгаетъ;
 А не радостныя газетушки подаваетъ.
 Что разбилъ-то, разбилъ воръ Французикъ,
 И побилъ, погубилъ всю армеюшку,
 Во полонъ-то онъ взялъ думчѡихъ сенаторовъ,
 И еще-то взялъ роднаго племянничка...
 И думаетъ онъ со своимъ думчимъ сенаторомъ,—
 А его силушка ростомъ не величка,
 Ростомъ не величка, во плечахъ плечиста.
 У ихъ у злодѣевъ волосы накладные,
 Волосы накладные, а бороды сѣдыя,
 А глаза сѣрыя большіе.

(Зап. мною отъ ратника Н. Бартавенкова)

3.

(Самарск. губ.)

Разнесчастный, безталанный король Прусской уродился.
 Ничего-то нашъ королюшко не знаетъ,
 Только знаетъ король:—ушла его армеюшка воевати;
 Воевать-то ушла подъ вора Француза.

Побилъ, порубилъ воръ-Французикъ
 Всѣе силу войскую;
 Во полонъ онъ взялъ двухъ сенаторовъ,
 Третьяго взялъ козака Донскаго,
 Взялъ племянничка роднаго.
 Мнѣ не жаль королюшку силу войскую,
 И не жаль двоихъ сенаторовъ,
 И третьяго козака Донскаго,
 Мнѣ только жаль племянника роднаго.
 Соберу я силу войскую,
 И пойду подъ вора-Француза.

(Зап. И. Акутинымъ. Сообщ. М. И. Семевскимъ.)

Генералъ Краснощековъ.

1.

(Московск. губ. Коломна)

Что не пылъ въ полѣ пылить,
 Прусская армія валить,
 Никуда конца не видно.
 Прусской силы смѣты нѣтъ,
 Напередъ идетъ Вензеръ
 На своемъ храбромъ конѣ.
 Какъ поближе подходилъ,
 Генераламъ пригрозилъ:
 «Ужь я и васъ генералушки
 Въ ногахъ всѣхъ потопчу 2.
 Въ каменну Москву взойду?»
 Какъ и генералы говорили
 На отвѣтъ слово ему:
 —«Не бывать тебѣ злодѣю
 Въ каменной славной Москвѣ,
 Не видать тебѣ собакъ
 Золотыхъ славныхъ гербовъ.»
 Какъ Вензеръ началъ палить,
 Только дымъ столбомъ валить,

Каково есть красно солнышко,
 Не видно во дыму.
 Что не ясенъ соколъ леталъ,
 Краснощекоевъ разъѣзжалъ
 Онъ ѣздилъ по горѣ
 На своемъ добромъ конѣ.
 Онъ пріѣхалъ, прискакалъ
 Ко Донскимъ казакамъ,
 Имъ словечко онъ сказалъ:
 «Ужь вы братцы молодцы,
 «Вы Донскіе казаки!
 «Вы безъ мѣрушки пейте зелена вина,
 «Вы безъ счета берите государевой казны,
 «Только скрадите у Вензера
 «Его крѣпкой карауль.»
 —«Не велика эта страсть
 Караулы его красть.»
 —Они ноченьку не спали,
 Караулы Вензеровы скрали.—

(Сообщ. А. Н. Островскимъ)

2.

(Смбирск. губ. с. Усть-Урень.)

Не бѣлая березенька къ землѣ клонится,
 Не шелкова травенька по чисту полю разстилается:
 По чисту полю разстилается польня горькая.
 Горька ты, полынушка, изъ всей травы:
 Еще горчѣй-тошнѣй того служба царская,
 Служба царская, нужда крайняя.
 И ни день-то, ни ночь намъ, солдатушкамъ, угомону нѣтъ:
 Темная ночь настанеть, мы на часахъ стоимъ,
 Какъ бѣлый день настанеть,—во строю стоимъ,
 Во строю стоимъ, по ружью держимъ.
 И стояли мы, солдатушки, трое сутокки,
 Не пиваючи и не ѣдаючи.
 И ходить же душа енералушка по армешкѣ,

Закупаеть енералушка свинцу съ порохомъ,
И заряжаетъ енералушка сорокъ пушечекъ,
Пробиваетъ енералушка стѣну каменную,
И убиваетъ енералушка жену офицерскую,
Молодыхъ-то ребятъ во полонъ беретъ.

(Зап. мною отъ стараго слѣнца Полякова)

3.

Какъ не бѣлая березынька къ землѣ клонилаь,
Не шелковая ковыль-травынька разстилалась,
Какъ растужится, расплачется самъ Пруцкой король,
Сидючи король на украсушкѣ, на крутой горѣ,
Глядючи король на укрѣпушку, на Берлинъ городъ:
— «Ты укрѣпа моя, укрѣпушка Берлинъ городъ!
«Ты кому моя укрѣпушка достанешься?
«Доставалась моя укрѣпушка Царю Бѣлому,
«Царю Бѣлому, генералушкѣ Краснощекову.»
Какъ беретъ-ли генералушка Берлинъ городъ,
Забираетъ въ плѣнъ королевишну,
Королевишну съ малымъ дѣтушкамъ;
Ужь какъ сталъ генералушка разспрашивать:
— «Ты скажи, скажи, королевишна, гдѣ Пруцкой король?»
— «Я кричала ему—вы не слышали,
«Я махала ему—вы не видѣли».

(Сообщ. Д. Е. Молчановымъ).

4.

(Тульск. губ. Крап. у.)

Что ни бѣлая береза къ землѣ клонится,
Ни шелковая во поли травушка застилается,
Разстилалась, сувивалася полынь травушка,
Что горька, горька полынь травушка,
Горчей въ поли нѣтъ,
Что тяжка, тяжка служба царская,

Тягчей въ свѣтъ нѣтъ.
 Собирался нашъ Пруцкой король
 Съ своей арміей на круту гору,
 Становился нашъ Пруцкой король подъ дубровою,
 Подъ дубровою зеленою подъ високою,
 Онъ глядѣлъ, смотрѣлъ въ свою сторону.
 — Сторона-ль ты моя, сторонушка, Берлинъ городъ,
 Ты укрѣпа ль моя, укрѣпушка,
 Ты укрѣпа моя крѣпкая;
 Ты кому-жь моя укрѣпушка достанешься?
 Доставалась моя укрѣпушка Царю Бѣлому,
 Царю Бѣлому, енаралу Краснощекому. —
 Краснощеккой енаралъ, онъ догадливъ былъ,
 Онъ ходилъ-гулялъ съ купцомъ по торгу;
 Закупалъ нашъ енаралушка сорокъ семь пушекъ,
 Разбивалъ нашъ енаралъ стѣны каменны,
 Черезъ рѣчку, черезъ быструю мосты вымостилъ,
 Молодую королеву во полонъ брали.

(Зап. г. Шумилинымъ.)

5.

(Тульск. губ. и уѣзда, село Байдаки.)

Не бѣлая березушка къ землѣ клонится,
 Не широкая ковыль-травушка по лугу разстилается,
 По лугамъ-то лугамъ наша армія разбирается.
 Вотъ и ходя Пруцкой король на сине море,
 Становится Пруцкой король на крутой бережокъ,
 Онъ глядитъ-то, смотритъ на всѣ стороны.
 Ты укрѣпа-ль моя, укрѣпушка Блеилъ городъ!
 Кому-тъ моя укрѣпушка достанешься?
 Доставалась укрѣпушка Царю Бѣлому,
 Царю Бѣлому, енаралу Краснощекому.
 И ходитъ енаралушка съ купцомъ по торгу,
 Покупаетъ енаралушка свинцу-пороху,
 Заряжаетъ енаралушка сорокъ семь пушекъ,
 И стрѣляетъ енаралушка въ каменну стѣну.

(Записан. Н. Ф. Соловьевымъ.)

Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.

(Саратовск. губ. Хвалыиск. у. с. Безобразовка)

Звѣзда-ль наша восходя
 Высоко больно восходила,
 Выше ельничку, березничку
 И частаго осиничку,
 И просвѣтила ты землю Прусскую,
 Землю Прусскую, государскую
 И темницу королевскую.
 Во темницѣ былъ невольничекъ 2.
 Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.
 По темницѣ онъ похаживаетъ,
 Во злату скрипку поигрываетъ,
 Про худой свой таланъ рассказываетъ:
 — Худой таланъ, участь горькая моя
 На роду видно написана,
 Написана, напечатывана, —
 Довелось мнѣ къ Хану ѣхати,
 Къ тому Хану мнѣ ко Прусскому.
 Ужь охъ ты есь Россійскій графъ,
 По прозванью Потемкинъ князь,
 Служи ты мнѣ службишку,
 Какъ служилъ ты своему царю,
 Служи ты мнѣ вѣрой-правдою,
 Вѣрой-правдою, безъ замѣнушки.
 — Ужь охъ ты есь Ханъ Пруцкой,
 Ханъ Пруцкой изъ большихъ,
 Прикажи мнѣ слово молвити!
 Какъ я служилъ своему царю,
 У меня былъ вороной-отъ конь,
 И было сѣдлице черкасское;
 На конечкѣ была сбруя ратная,
 Со мною была сабля вострая.
 Схватилъ бы я эту саблю вострую
 И срубилъ бы я Хану голову. —
 Не на толь нашъ Ханъ огнѣвался,
 И схватилъ съ крюку саблю вострую
 Хотѣлъ срубить графу голову.

«Ужь ты охъ еси Пруцкой Ханъ!
 «Не бей меня скорой смертью.
 «Ты сдѣлай релѣца крашенѣнькя,
 «Повѣсь петельки шелковенькя,
 «Повѣсь меня добраго молодца
 «Славой доброй хорошею.»
 — «Ужь ты охъ еси Россійскій графъ!
 Мнѣ жалко бить тебя скорой смертью.
 Ты бери злата-серебра твоего,
 Бери силы велии моей,
 Живи какъ тебѣ хочется.»
 — «Ужь ты охъ еси Пруцкой Ханъ!
 «Не ведите время у молодца!
 «Мнѣ не надо злата-серебра твоего,
 «Не надо силы велии твоей.
 «Не пойду я въ вѣру Пруцкую
 «Въ вѣру Пруцкую, бусурманскую.»
 Не на толь нашъ Ханъ огнѣвался,
 И сдѣлалъ релѣца крашенѣнькя,
 И вѣшалъ петельки шелковенькя,
 Подводилъ онъ добраго молодца, —
 И какъ онъ во первую ступень ступалъ
 И въ подзорную трубу струбилъ, —
 Казаки съ Дону подымалися;
 Какъ въ другую ступень ступилъ,
 Въ подзорную трубу струбилъ, —
 Казаки ближе подвигалися;
 Какъ во третью ступень ступилъ,
 Въ подзорную трубу струбилъ —
 Казаки вплоть подѣхали.
 Оглянулся Ханъ Пруцкой, оглянулся назадъ —
 И вскрикнулъ: что тамъ за туча идетъ?
 — Это не мои ли ясны голуби летять?
 Оглянулся Ханъ Пруцкой на правое крыло —
 Мои голуби всю твою бѣлу Турку склевали.
 Онъ оглянулся кругомъ — только самъ семь остается.
 Успѣлъ естъ на дружка ускакать.
 Его гнали, догоняли, вплоть до Парижа провожали.
 Тамъ съ нимъ миръ сдѣлали.

Въ Парижѣ весь народъ русскій,
 А начальничекъ французскій
 Отрекса отъ царя, выдавалъ хлѣбъ—соль.

(Зап. мною изъ 1872 г. отъ крестьянина Федора Семенова
 Вдовина).

2.

(Самарск. губ.)

Какъ у Пруса во зеленомъ саду,
 Тамъ стояла темна-темница,
 Заключеная затюремница,
 Какъ во этой темной темницѣ,
 Заключеной затюремницѣ,
 Тамъ посаженъ добрый молодецъ,
 Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.
 Онъ не годъ сидѣлъ и не два года....
 Онъ сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ,
 Ровно тридцать лѣтъ и три года.
 Отростилъ свою бородушку
 До шелкова своихъ пояса,
 Отростилъ свои русы кудри
 До своихъ плечъ могучихъ.
 Онъ по темницѣ похаживаетъ;
 Онъ во скрипочку поигрываетъ,
 Ко той скрипкѣ приговариваетъ:
 Ты таланъ-ли, мой таланъ;
 Таланъ-участъ горькая;
 На роду-ли мнѣ написано,
 Аль по жребію досталось—
 Во темной сидѣть темницѣ,
 Въ заключенной затюремницѣ. —
 Мимо той темницы
 Случилось князю ѣхати:
 «Ужъ ты батюшко Прусской король,
 «Прикажи-ка меня выпустить,
 «Прикажи-ка меня поить-кормить.

3.

(Симбирск. губ. с. Усть-Урень)

Ходилъ то я, добрый молодецъ, по чисту полю:
 Мягкая постелюшка— желтой песокъ,
 Изголовьица моя — шелкова трава.
 Какъ во селѣ было во Лысковѣ,
 Тутъ построена крѣпкая темница;
 Какъ во той во крѣпкой темницѣ
 Посажень добрый молодецъ,
 Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.
 Онъ по темницѣ похаживаетъ,
 Самъ слезно плачетъ, Богу молится:
 «Ты взмой, взмой туча грозная,
 «Разбей громомъ крѣпкія тюрьмы!
 «Во тюрьмахъ сидятъ все невольнички,
 «Невольнички, неохотнички!»
 Всѣ невольнички разбѣжались,
 Во темномъ лѣсу они собиралися,
 Соходилися они на полянушку,
 На полянушку на широкую.
 «Ты взойди, взойди, красное солнышко,
 «Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодецъ,
 «Добрыхъ молодецъ, сиротъ бѣдныхъ,
 «Сиротъ бѣдныхъ безпашпортныхъ!»
 Ниже города, ниже Нижняго,
 Протекала тутъ рѣчка быстрая,
 По прозванью рѣчка Волга матушка:
 Течеть Волга матушка
 Съ дикимъ-мелкимъ камушкомъ.
 Какъ по рѣчкѣ плыветъ легка лодочка:
 Эта лодочка изукрашенная,
 Вся молодчиками изусаженная...

(Зап. мною отъ Н. Картавенкова)

ПѢсня на смерть Императора Петра Феодоровича.

?

(Казанск. губ.)

На зарѣ-то было на утренней,
 На восходѣ краснова солнышку,
 На закатѣ свѣтлова мѣсяцу,
 Не золотая трубонька вострубила,
 Не серебряная сипавочка возыграла,
 Не бѣленькая лебедушка восплакнула,
 Восплакнула царица надъ гробницею,
 Стоючи-то, она, надъ гробницей сыродубою:
 «Ты раскройся-ка гробница сыродубая,
 Распахнись-ка камоточка мелкотравчатая,
 Ты востань-ка, ты востань, нашъ батюшко православной
Царь,
 Промолви-ка со мной словечушко хоть единое,
 Обрадуй-то мое сердечушко ретивоё,
 Отъ чего тебѣ скорая смѣртонька солучилася?»

(Зап. А. Г. Пупаревымъ въ 1860 г.)

ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Графъ Румянцовъ.

1.

(Ростовск. уѣзд. с. Сущево.)

Мы вѣчоръ въ торгу торговали,
 Свинцу-пороху закупали,
 Въ мѣдны пушечки заряжали,
 Въ каменну стѣну стрѣляли,
 Стѣны каменной не разбили,
 Красну дѣвицу полонили,
 Да къ Румянцову отводили.

Графъ Румянцовъ взрадовался
Красотъ ея дивовался:
Хороша дѣвушка, румяна,
По нѣмецкому изубрана.
На ней юбочка голубая,
Душегрѣчка парчевая,
Въ косѣ ленточка золотая
До шелкова поясочку,
До нѣмецкаго до чулочку.
Графъ Румянцовъ говорилъ ей,
Графъ Румянцовъ вопрошалъ ей:
— «Ты скажи-скажи, дѣвка нѣмка,
«Про свою силу про нѣмецку.
«И поди ты въ Россію замужъ,
«За моего сына Ивана,
«За російскаго генерала.»
Дѣвка нѣмка отвѣчала,
Напрямикъ ему сказала:
— «Не скажу я про нашу силу,
«И неиду я въ Россію замужъ,
«За твоего сына за Ивана,
«За російскаго генерала.»
Графъ Румянцовъ разсердился,
До безмилости распалился,
Востру саблю обнажаетъ,
Красну дѣвицу стращаетъ.
Красна дѣвка испугалась
И во всемъ ему созналась:
— «Нашей силушки немного,
«И иду въ Россію замужъ,
«За твоего сына за Ивана,
«За російскаго генерала.»

(Зап. крест. Суцескимъ. Сообщ. Вадимъ Лѣствицынъ)

2.

(Пермск. губ. Камышлов. уѣзда.)

Что никто братцы то не знаетъ, да не вѣдаетъ,
 Что куда наша Государыня собирается,
 Собирается, да снаряжается,
 Екатерина то да Алексѣевна?
 Надѣваетъ-то она на себя платье черное,
 Платье черное, печальное,
 И ко Христовской она собирается ко заутренѣ,
 Ко заутренѣ да къ ранней утренѣ.
 По правой по рученьку сидитъ графъ Суворовъ енераль,
 По лѣву по рученьку сидитъ Потемкинъ енераль.
 — «Что же ты, наша Государыня, запечалилась! —
 — «Ахъ глушые вы бояре, неразумные,
 У насъ не стало правителя въ каменной Москвѣ,
 Славна война Румянцова,
 Полонилъ его собака воръ Прусскій король,
 Не одного его полонилъ, съ цѣлой арміей,
 Связали-то Румянцову ножки рѣзвыя,
 Сковали-то у Румянцова ручки бѣлыя,
 Призавѣсили очи ясныя тафтой чернотравчатой.
 И набѣжали на него два татарина,
 Два могучіе, два богатыря:
 И поди-ка ты въ нашу вѣрушку!
 — Ой вы гой еси два татарина,
 Два могучіе богатыря!
 Кабы нескованы у меня были ножки рѣзвыя,
 Не евязаны бы руки бѣлыя,
 Не завѣшаны были-бы очи ясныя,
 Кабы была у меня въ рукахъ остра сабелька,
 Снесъ бы я вамъ, собакамъ, съ плечъ головушки.» —
 ((Зап. Членомъ-сотрудн. Русскаго Геогр. общ. А. Я. Кокосовымъ)

Емельянъ Пугачъ.

1

(Саратовск. губ. Сердобск. уѣзда.)

Какъ во славномъ городѣ Астраханѣ,
 Проявился добрый молодець,

Добрый молодецъ Емельянъ Пугачъ.
 Обряженный онъ во кафтанчикъ сто рублей,
 Шерфарочекъ на немъ въ пятьдесятъ рублей,
 Шапочку на бекрень держить,
 Во правой-ли рукѣ тросточка серебряная,
 На тросточкѣ лента букетовая, —
 Хорошо онъ по городу погуливаетъ,
 А тросточкой упирается,
 Ленточкой похваляется,
 Со князьями-со боярами онъ кланяется,
 Къ Астраханскому жъ губернатору и подъ-ладъ нейдетъ.
 Астраханскій губернаторъ призадумался.
 Онъ увидалъ его изъ хрустального стекла,
 И посылаетъ за нимъ слугъ вѣрныхъ
 Допросить его словеснымъ допросомъ.
 Нагоняли его слуги вѣрные,
 Допрашивали его словеснымъ допросомъ:
 Какого ты рода, племени?
 Царь ли ты или царскій сынъ!
 А онъ имъ на то молвилъ:
 Я не царь и не царскій сынокъ,
 А родомъ я Емея Пугачъ,
 Много я вѣшалъ господъ и князей,
 По Россіи вѣшалъ я неправедныхъ судей.

(Зап. въ 1864 г. В. А. Мясоедовой отъ старухи, которая помнитъ ее отъ своей матери.)

Воръ Пугачовъ.

2.

(Тверск. губ.)

Какъ во мѣсяцъ было во Мартѣ
 Въ двадцатомъ числѣ,
 Распоряжалъ воръ-отъ Пугачеевъ,
 Распоряжалъ свою алтарьелю:

«Ужь вы стойте ребятушки,
 «Ужь стойте, не робѣйте!
 «Разобьемъ мы этотъ новый корпусъ,
 «Новый корпусъ Голицына князя,
 «Мы Московскую эту губернію
 Сдѣлаемъ границей.»
 «Ужь полно тебѣ, полно Пугачовъ —
 Съ Москвой воевати.
 Разобьютъ Московскія войска,
 Расскажутъ тебя вора Пугачова
 На славномъ болотѣ;
 Развезутъ тебя вора Пугачова
 По разнымъ заставамъ.
 Какъ во первую—во Тверскую,
 Во вторую—во Ямскую,
 А во третью-то Рогожску.
 Не успѣлъ онъ воръ-собака
 Приказу отдать, —
 Приказъ отдалъ князь Голицынъ:
 Изъ пушекъ палити.
 Какъ изъ пушекъ наши запалили,
 Земля задрожала,
 Не могли они воры стояти,
 Бѣжали въ сакманы;
 Тамъ гусары наши воевали,
 Въ полонъ забирали,
 Головушекъ они много
 Долой снимали.

(Зап. свящ. А. С.)

Генералъ Пугачъ.

3.

(Симб. губ. Корс. уѣд. сельцо Александрово.)

Охъ ты, батюшка, Ленбурхъ городъ!
 Про тебя Ленбурхъ идетъ славушка,
 Слава добрая, нарѣчье хорошее:
 Будто ты, Ленбурхъ, на красѣ стоишь,

На краѣ стоишь, на крутой горѣ,
 На крутой горѣ, на желтымъ пескѣ,
 На трехъ рѣчушкахъ да на устьицахъ,
 Да первая рѣчушка течеть—Сакмарушка,
 Другая рѣчушка — Яикъ-рѣка,
 Третья рѣчушка — Уралъ-рѣка:
 По Уралъ рѣкѣ живутъ казаченьки,
 По Сакмарушкѣ живутъ татарушки,
 По Яикъ рѣчкѣ — калмыченки;
 По Уралу гулялъ генералъ Пугачъ.
 Какъ во матушкѣ было во каменной Москвѣ,
 Молодой то солдатъ на часахъ стоитъ,
 На часахъ стоитъ, себѣ рѣчи говорить:
 Не дають то мнѣ волюшки во Ленбурхъ сходить,
 Во Ленбурхъ сходить — Пугача убить...

Продолженія этой пѣсни пѣвецъ, къ сожалѣнію, не могъ примолвить, и говорилъ только, что она еще довольно долга.

(Зан. мною отъ крестьянина К. Ослова, уроженца Нижегородск. губ.)

Суворовъ Князь.

1.

(Московск. губ. г. Коломна)

Что во славномъ городѣ Брызгалѣ,
 На славномъ шведскомъ курганѣ,
 Тамъ стоятъ бѣлы каменны палаты;
 Въ этихъ палатушкахъ подозорники были шелковые,
 Въ подозорничкахъ стояли столы дубовые,
 Вокругъ стоятъ стулья раздвижные,
 На этихъ стульяхъ сидятъ гости дорогіе:
 На первомъ стулѣ сидитъ графъ Суворовъ,
 А передъ нимъ росейскіе генералы
 И всѣ думчіе пріѣзжіе сенаторы;
 Они думали-гадали думу крѣпкую.
 Какъ возговорить Князь Великій:

«Вы послушайте, російскіе генералы
 «И думчіе пріѣзжіе сенаторы!
 «Намъ кого послать на прусскую границу?
 «Мушкатеръ послать — не дождешься,
 «Гренадеръ послать — не надежно,
 «А, знать, послать будетъ казачьяго эсаула.»

(Сообщ. А. Н. Островскимъ)

2.

(Перм. губ. Камышлов. уѣзда.)

Собиралася да снаряжалася .
 Наша армія въ путь дороженьку,
 Въ путь дороженьку во Туречину:
 Полонить царя Салтана турецкаго,
 Не крещенаго басурманина.
 Надѣвали солдатушки ранцы тяжелые,
 Брала ружья, сабли острия.
 Подходили-то наши солдатушки
 Да ко морю синему,
 На синемъ-то да на морюшкѣ
 Нѣтъ ни лодочки ни кораблика.
 Призадумалися солдатушки;
 Призадумались, закручинились:
 На чемъ же мы, добры молодцы,
 Переѣдемъ да переправимся
 Во невѣрную во Туречину?
 Глубоко ли море синее,
 Далеко ли, широко раскинулось? —
 Какъ выходитъ тогда ко солдатушкамъ
 Енераль съдой да Суворовъ князь,
 Да какъ глянулъ онъ на солдатиковъ,
 Веселешенько улыбаючись:
 «А пошто мои дѣтоньки призадумалися?
 «Аль устрашились моря синяго,
 «А за моремъ силы невѣрныя?
 —«Ой ты гой еси, да Суворовъ князь,

Командиръ ты нашъ, начальничекъ!
 Не страшна-то намъ сила вражія,
 Сила вражія, злая Туречина;
 Да страшно-то намъ окіянъ-буянъ,
 Окіянъ-буянъ, море синее:
 Нѣтъ на морѣ томъ перевозчика,
 Ни весельца-то да ни лодочки»....
 — Ужь какъ гаркнетъ тутъ Суворовъ князь:
 «Ой вы гой еси, братцы солдатики!
 «Вы снимайте-ка съ плечъ ранцы тяжелые,
 «Ужь и ставьте-ка въ козлы ружья мѣткія,
 «Вы берите-ка топорики острые.
 «Вы плотите-ка мосты, плоты широкіе»....
 — Что не гулъ гудить по поднебесью,
 Что не шумъ шумить по темнымъ лѣсамъ,
 То плыветъ-летитъ наша армія....
 Злая некрестъ Турки испужалися,
 По разнымъ сторонускамъ разбѣжались.

(Зап. Членомъ-сотрудникомъ Русск. Геогр. общ. А. Я. Кокосовымъ, сообщ. Л. Н. Майковымъ)

Государыня въ Ярославль

1.

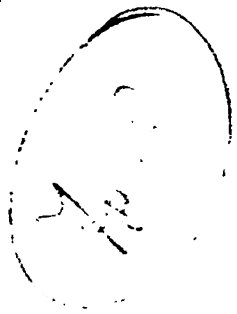
(Новгородск. губ. Демьяновск. уѣзда.)

Здравствуй братцы молодцы,
 Ярославскіе купцы,
 Къ Ярославлю подходили
 Съ пути ножки сповредили,
 Во походъ скоро вступили,
 Легкой шляпочкой водили,
 Во рукахъ весла гремѣли,
 Плавнѣшенько выплывали.
 Ужь мы плыли, выплывали,
 Сами пѣсни распѣвали, разговаривали:
 «Хорошо намъ братцы плыть
 «На галерахъ гребцамъ слыть.

«Одинъ черненькій курьеръ,
«Весьма очень надоѣлъ, —
«Приказалъ пѣсни спѣваться,
«Въ рожки играть обучаться.
«Мы за то скоро взялись,
«На гальерахъ поднялись:
«Ужь мы плыли, выплывали,
«Къ Ярославлю подгрести,
«Въ Волгу якоря метали,
«На крутъ берегъ выходили,
«На крутъ берегъ выходили,
«Квартирушки получили,
«Во царевъ кабакъ вступили,
«Два ведра вина купили,
«По двѣ чары на день пили,
«Чтобы веселы были,
«Веселѣ говорили, . —
«Чернышевъ то генералъ
«Государыню встрѣчалъ,
«За бѣлыя ручки бралъ.»

(Зап. въ 1860 г. учителемъ удѣльн. училища. Сообщ. А. Н. Майковымъ)

101



Цѣна 1 руб.